

РЫЦАРЬ-ПИЛОТ

ЭТО И НЕЧИСТО

Москва, 2018

16+

Рыцарь-Пилот
Эго и нечисть

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рыцарь-Пилот

Эго и нечисть / Рыцарь-Пилот — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга о тайной жизни современной Москвы глазами простого обывателя. Написана от первого лица - нашего современника, случайного очевидца невероятных событий и приключений. Главный герой волею случая попадает в офис ученого Яна Дроновича (Дракона), исследующего современный мир в поисках смысла жизни. Ян берет его на работу ассистентом, чтобы тот смог переживать разные жизненные ситуации и события в разные времена и извлекать из них уроки для осмысления. Динамичные события, исторические и мистические приключения перемежаются с анализом и рассуждениями. Много острых моментов и причин задуматься. Двадцать иллюстраций маслом. Скучно не будет!

© Рыцарь-Пилот, 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

~ *Осенняя пробка на Садовом кольце* ~

~ *Бешеный троллейбус ~ Перестрелка с погоней* ~

~ *Мой портфель пропал ~ Преследование таинственного К.А.Ц.* ~

~ *Одинокая Русалка ~ Дверь открылась* ~

Вечером в пятницу пошел мелкий осенний дождь, ветер срывал последние жухлые листки с тополей, Москва встала в грандиозной и совершенно безнадежной пробке... Светофоры мигали каждый в своем ритме, дворники машин мерно стряхивали упавшую с небес влагу с лобовых стекол, выхлопные трубы выбрасывали в атмосферу то, что могло бы быть в другой жизни приятной прогулкой «с ветерком» по пустой загородной трассе... Когда стоишь в такой пробке, невольно начинаешь философствовать, размышляя на темы «здесь и там», «а что, если» или, еще лучше, – «если бы я мог».

Целый день я ездил по делам, под конец оставалось заехать к маме на Фрунзенскую набережную и починить розетку, которая искрила и не давала возможности полноценно наслаждаться вечерними телепередачами. Визит, естественно, предполагал ужин и выгул ее трехцветного старого бассета до угла, ибо дальше в такую погоду бассеты, как известно, не гуляют. Утром по телефону мама дрожащим трагическим голосом рассказывала, как троллейбус на набережной задавил маленького черного соседского пуделя. «Это ужасно, бедный пес, – согласился я, осознав всей глубиной души, что розетку, о которой мне не раз напоминали за последнее полгода, надо сегодня все-таки починить. – Мама, я буду после семи, пока», – батарея села, экран погас.

Светофор справа от меня бессильно перебирал доступные ему комбинации цветов, но дорожная ситуация от этого не менялась. Надо запарковаться, пешком дойти до мамы, а вечером после ужина, когда пробка рассосется, часов в одиннадцать, забрать машину и поехать домой. План показался мне шикарным, однако выходить из теплого кожаного салона, где так нежно звучит джаз, под дождь на московскую улицу и топать целых три квартала на ветру очень не хотелось.

Правая полоса на Садовом кольце, предназначенная для общественного транспорта, манила своей доступностью, как голая коленка старшеклассницы, но буквально в ста метрах по ходу справа стоял гаишник и с обреченным видом смотрел на ту же полосу, что и я. В его взгляде теплилась нескрываемая надежда, что у кого-нибудь все-таки не выдержат нервы, и тогда будет чем поживиться. «Не вариант», – сказал я себе и круто вывернул руль вправо, «Ягуар» с заносом выскочил из толпы машин, пересек троллейбусную полосу и нырнул в темный переулок. Милиционер дернулся, потом бессильно махнул рукой и отвернулся с безразличным видом. Все! Надо парковаться, в первую же дырочку, по-московски.

По выделенной полосе с воем и звоном цепей с чудовищной скоростью около 40 км в час летел троллейбус. Водители в пробке провожали ненавидящими взглядами бесполезный железный ящик с рогами, который вез только себя, не считая нескольких кубометров теплого воздуха и света внутри салона, с противным чернявым водителем в кожаной фуражке за рулем. Он был маленького роста, с помятой мордой и золотым зубом, отражавшим тусклые огни московских фонарей. Из-под фирменной фуражки с тремя буквами К.А.Ц. на кокарде выбивались длинные курчавые черные волосы, вид был похабнейший – хотелось дать ему в морду, особенно когда он улыбался.

Я уже припарковался, взял в руки портфель со всеми своими документами, ключами и прочими вещами, без которых современный человек в большом городе просто не имеет никакого смысла, набрал воздуха в легкие и собрался открыть дверь. Прежде чем ступить на мокрый холодный тротуар осенней Москвы, я взглянул на светящийся номер троллейбуса, который

остановился на красный свет в 50 метрах от меня. «Да! Это он! – в памяти всплыли воспоминания детства, когда мы с бабушкой на этом же маршруте троллейбуса ездили в поликлинику. – Да! Он довезет меня на Фрунзенскую набережную, прямо к порогу дома, где живет моя мама!» Красный свет горел уже достаточно долго, и я осознал весь ужас возможной утраты, если этот мерзавец сейчас с воем укатит без меня. Хлопнув дверью машины, с портфелем под мышкой, на ходу звеня ключами, пытаюсь поставить автомобиль на сигнализацию, спотыкаясь, я бросился к передней двери троллейбуса.

Горел красный свет светофора, но мерзкий тип за рулем, как назло, отвернул свою противную морду и довольно наблюдал сверху кислые физиономии водителей. Я, как рыба в аквариуме, бросился на стекло передней двери троллейбуса, начал стучать.

Тип повернулся ко мне и недовольно закрутил головой, указывая пальцем на то, что здесь остановки троллейбуса нет. Весь его вид отчетливо демонстрировал, что он совершенно не собирался открывать двери. Я повис на подножке и продолжал стучать, мерзавец нагло отвернул свое рыло и, видимо, что-то насвистывал в такт музыке из радиоприемника.

– Вот гад! – заорал я. – Чтоб тебя черти разорвали, мерзавец!

Вдруг водитель, вздрогнув, повернулся ко мне, и его лицо растянулось в наиприветливейшей, насколько позволяла его внешность, улыбке. Золотой зуб в верхней челюсти сверкал, как солнце, глазки прищурились – и... он открыл переднюю дверь. Я ввалился в салон. Пахло машинным маслом, теплой сгоревшей пылью и какими-то железяками.

– Добро пожаловать, любезнейший, – протягивал водила. – Не взыщите, но мы только в парк, в Лужники!

– Ничего, сказал я, усаживаясь на высокое сиденье на переднем колесе, справа от водителя. – Высадите меня посередине набережной, я скажу, где.

– Как скажете, любезнейший сэrrrrr, – прорычал водитель и нажал на педаль реостата. Светофор как раз переключился на зеленый, и троллейбус, взвыв, рванул мимо пробки под Крымский мост.

«Вот гонщик», – только и успел подумать я.

* * *

Троллейбус летел по набережной, водила явно спешил, он вжал голову в плечи, широко расставил локти на огромном руле и, не обращая внимания на светофоры и остановки, гнал вперед. Вот уже показалась моя остано...

– Эй, любезнейший, постойте, мне здесь вы...

Водитель обернулся, зло глянул на меня и втопил педаль тормоза:

– А за проезд платить кто будет? Пушкин?

Троллейбус присел на передние колеса и стал плавно юзом, теряя скорость, приближаться к остановке, рога токоприемников разлетелись в разные стороны, я соскользнул с сиденья и повис на вертикальной опоре в салоне. Когда адреналин утих и я открыл глаза, передняя дверь была открыта, водителя за рулем не было. Спускаясь с передней подножки, я увидел на остановке двух пенсионерок с выпученными глазами, крепко сжимавших в руках свои сумочки. Водила недовольно возился с токоприемниками, зачем-то стучал по ним молотком, ручка которого была перемотана синей изолентой. Он оказался еще ниже, чем выглядел за рулем, и еще более неприветливым.

– Ну разве так можно водить троллейбус, – приблизился я к нему, – это же опасно!

– Связался я с тобой! – пробурчал водитель. – На, поддержи лучше, – и сунул мне в руки электрический провод, который только что поднял с земли.

В голове у меня вспыхнуло, а потом почему-то пропал звук. Перед глазами все поплыло, картинка мигала и с шипением теряла цвет. Я никогда раньше не задумывался над тем, как устроен чугунный водосток, на котором я лежал щекой, мимо струйкой текла вода и пропадала в пустоте ливневой канализации, проплывали листья, окурки, какие-то неясные предметы... «Портфель!» – громом прозвучало у меня в голове. Я оставил его на сиденье троллейбуса! Где этот мерзавец Кац? Оторвав голову от чугунного водостока, я увидел в черно-белом цвете все тех же пенсионерок с выпученными глазами на той же скамейке. Приподнявшись, я взглянул на них еще раз, теперь они были цветными, старушки вжали головы в плечи и еще судорожнее вцепились в свои сумки.

– Где этот гад? – троллейбус плавно удалялся, провода были в порядке, портфеля не было. – Сволочь! – я схватился за голову. – Стой! Стрелять буду!

Сложив обе руки вместе, я навел указательные пальцы на ненавистный троллейбус, и вдруг они нащупали спусковой крючок, в ладонь удобно легла рукоятка огромного блестящего автоматического пистолета с красивой гравировкой вдоль корпуса. Стрелял я четко на вдохе, затвор с каждым ходом выбрасывал горячую гильзу, которая, вращаясь в воздухе, с шипением падала на мокрый асфальт, при каждом выстреле пистолет эротично оголял кончик ствола ходом затвора назад. Семь пуль кучно, одна за другой, с минимальным интервалом бросились в погоню за своей целью. Я стоял на коленях в луже у водостока и смотрел на свои руки – пистолета не было! Внизу справа что-то шипело, опустив взгляд, я увидел лежащие в лужице гильзы, они таяли на глазах, растворяясь в потоке воды, их остатки смыло в водосток. Старушек на остановке больше не было видно, а картинка вновь стала черно-белой.

Вокруг на набережной никого не было, впереди в двухстах метрах, накренившись на правый бок, стоял троллейбус. Я бросился к нему: пулевые отверстия четко прошили кузов и

остекление в семи местах, правый баллон колеса был пробит, шину растерзало ободом, торчали куски металлокорда. Видимо, троллейбус потерял управление и сшиб мачту освещения, водителя не было, лобовое стекло было выбито, мелкие осколки валялись по всему асфальту. Висели куски резинки уплотнителя. Следов крови нет, значит, он бежал. Я бросился в салон. Тускло мерцала лампа, искрило под потолком, портфель исчез!

* * *

Внутри темного троллейбуса все было завалено каким-то хламом. Мигала лампочка, что-то шипело, где-то капало. Как это могло произойти? У меня в жизни не было оружия, да и стрелял я из пистолета всего один раз в жизни на военных сборах. Пистолет такой был маленький, милицкий, помню, старшина посмотрел на результаты моей стрельбы и пробурчал под нос: «Руки бы оторвать этим студентам, следующий!» – вот и весь мой опыт обращения с оружием. И даже если предположить, что я на самом деле откуда-то взял этот пистолет, как на такой скорости в темноте я мог с такой точностью положить все выстрелы? Нет, видимо, я просто схожу с ума. Тем не менее надо было что-то делать, портфель пропал, Кац тоже. Может, позвонить в милицию? Мысль, конечно, была хороша, особенно меня позабавило, как я буду писать объяснения для протокола. Ну что ж, посадят в обезьянник до утра, а потом сразу – в психушку. Да, перспектива! Скорее домой! Ключи от машины и квартиры, как назло, в портфеле, утром машину эвакуируют! Кошмар! Где может быть этот мерзавец Кац? Что он там говорил про Лужники? Ну конечно! Он должен был бежать в троллейбусный парк, все сообщить, позвать на помощь.

Я выпрыгнул из салона и направился вдоль реки в сторону Лужников. Только в этот момент я понял, что за все время, как мы съехали с Садового кольца вдоль Крымского моста на набережную, там не проехало ни одной машины, ни в одну сторону, ни в другую. Я остановился. Что за ерунда? За спиной с проезжей части послышался шум, обернувшись, я увидел, что по шоссе в сторону Лужников мерно двигались два тягача длинномера, на каждом из них стоял трамвай. Аварийного троллейбуса не было, как будто мне он приснился. Я оперся на гранитный парапет, глядя на воду. Хорошо, допустим, я сошел с ума, и мне все это приснилось, в настоящей ситуации это даже очень неплохой вариант. Тогда какие у меня проблемы? Первая – я потерял портфель, что очень неприятно, но с этим можно жить. Вторая – я опять не починил розетку у мамы, стыдно, но как бы не в первый раз, что-нибудь придумаем. Третье – о, ужас! Старухи! Они все видели! Это свидетели! Наверняка они живут где-нибудь там в домах на набережной и помнят меня еще мальчиком, когда я жил с мамой. Они меня заложат, они все видели. Я лихорадочно начал вспоминать их лица. Как назло, ничего, кроме сумок, не вспоминалось, так, одна, кажется, была азиатка, а вторая – огненно-рыжая. Да, немного я запомнил.

Ход моих мыслей прервал гудок мимо проходящей баржи, я поднял глаза: мерзавец Кац стоял у штурвала под фонарем рубки, рядом с ним был мой портфель. Кац повернул голову в мою сторону, оскалился, помахал рукой и выключил фонарь. Я просто ошарашен от его наглости, а придя в себя, бросился вдогонку вдоль реки. Очень скоро мысль, что у дизеля буксира лошадиных сил больше, чем у меня человеческих, заставила меня сбавить ход. Я остановился у парапета, тяжело дыша, провожая взглядом баркас, который скрылся за опорой моста. Все, ушел, гад. К моему удивлению, баржа не появилась с другой стороны моста. Переведя дух, я подошел ближе: баржа причалила к опоре, горел свет, и что-то там шевелилось. Я подкрался еще ближе и увидел, что на внутренней части опоры моста был своего рода маленький причал, мостки, а в бетоне самой опоры виднелась дверь, она была открыта, и в потоке света я отчетливо увидел маленькую кривоногую тень в фуражке и с моим портфелем. Кац! Забыв усталость и разумные меры предосторожности, я перелез через гранит и по колено в холодной воде стал подкрадываться к месту, где в воду спускались мостки и вверх вела железная лест-

ница. От холодной воды у меня стучали зубы и сводило икры. Только бы судорога не случилась, утону – и никто не поможет. В этот момент железная дверь хлопнула, свет погас. Плылся звук задвигаемых металлических засовов – и наступила тишина. Мокрый, грязный, с

путанными мыслями я стоял перед железной дверью в полной темноте, вода мерно плескалась о гранит и стекала с моих брюк на железные мостки.

«Час от часу не легче, – подумал я, – зачем я вышел из своего теплого «Ягуара», сидел бы слушал джаз, часа через два доехал бы. А сейчас? Что делать сейчас? Где я? Кто я? Я преступник? Сумасшедший? И где мои вещи?»

– Вещи, хи-хи, – прозвучал тонкий женский голосок, – ты же меня не бросишь? Хи-хи, вещи!

Я резко обернулся. В двух метрах от меня на горизонтальной металлоконструкции сидела абсолютно голая девица, ее длинные светлые распущенные волосы струились по спине. Она повернулась ко мне вполоборота и начала что-то тихонько петь. Слова разобрать я не мог, она периодически переходила к постаныванию и подвыванию, совершенно не теряя при этом мелодию.

Картинка в моих глазах опять заморгала, теряя с каждой вспышкой цвет, предметы стали как-то плыть низу. Я понял, что уже не контролирую свое тело, вытянув вперед руки, я шел к ней, песня проникала через уши в мозг, вымывая из него всю информацию, накопленную за годы жизни, я почувствовал пустоту и холод вселенной. Мои руки коснулись моста, пальцами я мог перебирать заклепки, чувствовать грубую фактуру крашеного металла.

– Ты же меня не бросишь? – прошептала она.

Я очнулся – девушка сидела у моих ног и смотрела белыми ясными глазами снизу вверх, прямо мне в лицо. Я почувствовал, как этот взгляд полностью уничтожает мою личность, но не мог оторвать от нее глаз, во рту пересохло, язык распух и не шевелился. Тяжело дыша, я сел на корточки и приблизился к ее лицу, навстречу мне пахло холодом и тинной. Собрав остатки воли и сил, я положил руку на ее плечо – она была холодна, как мрамор, с голубыми и зеленоватыми прожилками вен.

– Ты такая холодная!

– Ты же не бросишь меня? – сказала она, отвернувшись.

Мой мозг окончательно перестал что-либо понимать.

– Нет, не брошу, – проскрипел я сдавленным голосом. Мой взгляд упал на ее белую, неестественно длинную шею, внимание привлекла золотая цепочка: на ней висел маленький ключик в виде рыбки.

Девушка улыбнулась, хлюпнула хвостом в воде.

– Тогда поцелуй меня.

Она посмотрела мне в глаза, белые зрачки переливались голубыми и зелеными искрами, она была идеальна: тело, как у греческой статуи, юна, на вид не старше 17 лет, волосы трепетали на ветру. Неведомая сила сжала все мои внутренности, холод прокатился по венам. Не отрывая взгляда от ее глаз, я стал приближаться к ее лицу, она закрыла глаза и приоткрыла губы. Дикий рыбный смрад ударил мне в нос, и я увидел три ряда черных гнилых зубов в прекрасном девичьем рту.

Отпрянув назад, я поскользнулся и упал спиной на бетон, больно ударившись обо что-то затылком. В этот момент моя рука была у Русалки на плече, рефлекторно хватаясь, я сорвал цепочку с ее шеи и во время падения случайно столкнул ногой девицу с металлической балки, на которой она сидела, – прямо в воду. Сцена была прервана громким всплеском и болью в затылке. Я лежал на тонком длинном заклепанном куске металла на спине, руки и ноги свисали вниз. В глазах плавали красные круги. Через несколько мгновений шум и плеск внизу привели меня в чувство. Открыв глаза, я поднес к лицу левую руку, чтобы посмотреть на часы, в моем кулаке была зажата цепочка и что-то еще. Снизу раздавались плеск, хлюпанье и громкая, почему-то итальянская, брань.

Привстав, я перевернулся и, держась за металл, медленно пробрался к двери. Темноту разрезал луч света, падавший из огромной замочной скважины. Нагнувшись, я заглянул

внутри, но ничего не увидел, и тогда, сев на корточки, стал разглядывать рыбку на цепочке. Она была ключиком, но таким маленьким, что не имело смысла даже пытаться вставить его в огромную скважину. В отчаянии я хлопнул себя по колену и уже собирался выбросить цепочку в воду, как что-то заставило меня все-таки попробовать: я сунул ключ в скважину, рыбка встрепенулась в моих руках и стала быстро расти. К удивлению, через несколько мгновений она набрала достаточный объем, чтобы полностью занять собой всю скважину. Я взял рыбку за жабры и слегка повернул. Дверь зашумела внутренними механизмами и исчезла.

~

Глава вторая

~ *Офис под мостом ~ Рыжеволосая секретарь ~*

~ *Моя новая работа ~ Попытка изнасилования ~ Конфуз ~*

~ *Знакомство с Яном ~ Я – Дракон ~*

Сделав шаг, я оказался в приемной большого современного офиса, за спиной закрылись двери лифта. Яркое освещение, дорогие материалы отделки, две шикарные секретарши модельного вида с беспроводными гарнитурами в причёске за стойками. Мой вид был, мягко говоря, жалок: мокрые по пояс брюки и пальто, весь в грязи и ржавчине. Из всех углов на меня уставились объективы камер. «Как перед расстрелом», – подумал я.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, у нас комфортно и совершенно безопасно, – промурлыкала глубоким грудным голосом похожая на куклу Барби медно-рыжая секретарша с огромными зелеными глазами и вышла мне навстречу. На ней была вязаная облегающая кофточка изумрудного цвета и короткая черная юбка. Казалось, эти предметы были частью ее тела или нарисованы прямо на коже рукой мастера.

«Подозреваю, что на ней больше ничего нет», – подумал я.

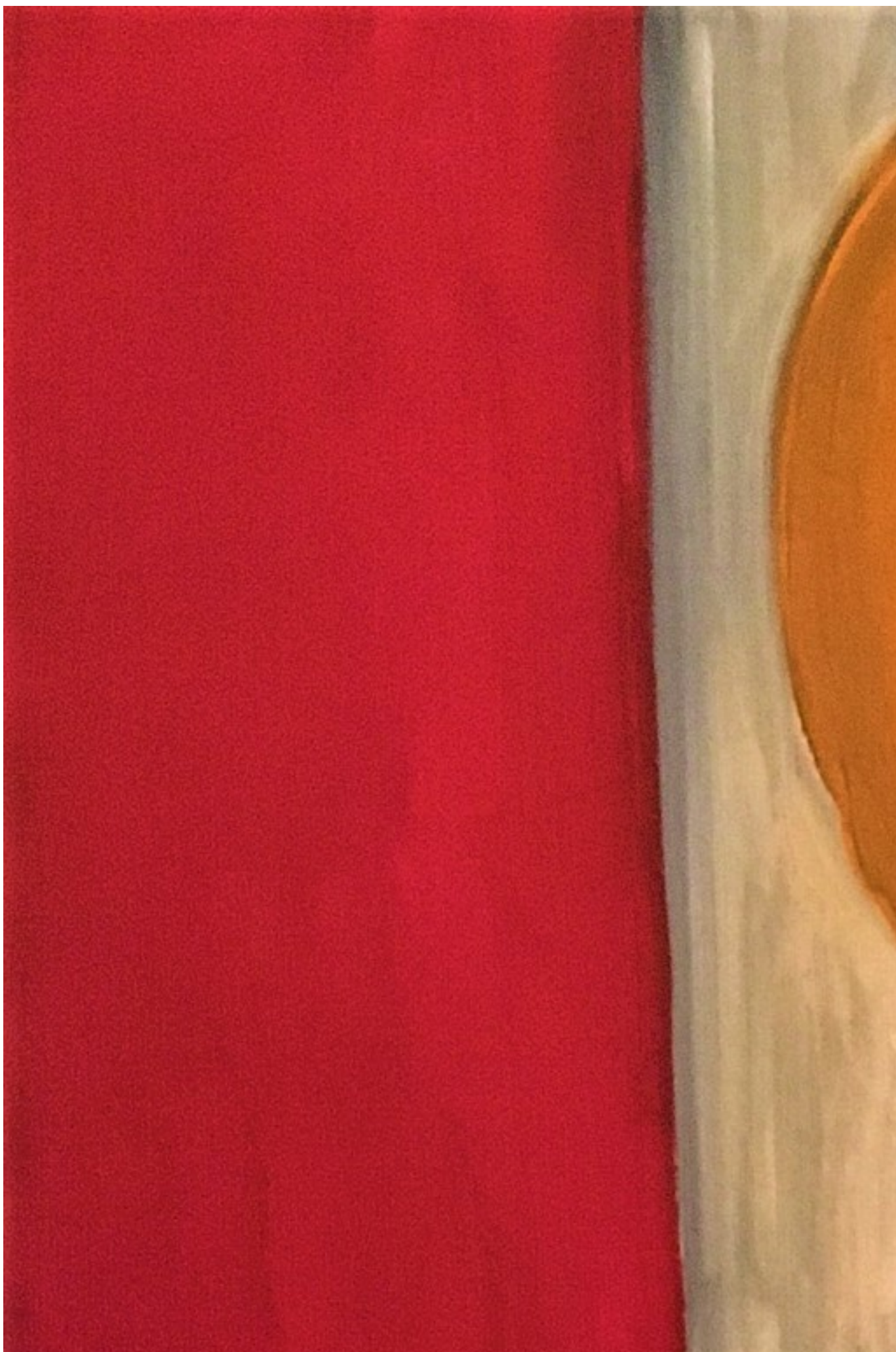
– Возможно... – ответила она.

«Я думал, такие бывают только в порнофильмах», – подленько промелькнула мысль.

– Не только, – улыбнулась она пухлыми розовыми губами, показав край идеальных перламутровых передних зубов. – Меня зовут Анна, я секретарь лаборатории по паблик рилейшнз, а вы, судя по всему, новый сотрудник лаборатории Яна Дроновича, директор по развитию? – продолжила красавица.

«Директор по развитию?» – промолчал я.

От обилия вибраций, исходивших от этого сексуального монстра, мой бедный рассудок запаниковал окончательно, сердце застучало в груди с такой силой, что им можно было забивать сваи, давление поднялось до критической верхней отметки, мозг,

ленный тестостероном, лихорадочно работал на холостых оборотах, не понимая, что предпринять. От нее пахло одновременно страстью, целомудрием, развратом, овуляцией, вседозволенностью и каким-то космическим оргазмом.

«Отойди от меня, – подумал я, еле сдерживаясь, – или я тебя сейчас изнасилую прямо здесь, на полу ресепшен». Мозг уже рисовал смачные картинки: она стоит близко, левой рукой хватаю ее за талию и прижимаю к себе, правую запускаю в ее прекрасные волосы и...

– Ну так сделай же это, – улыбнувшись, сказала она.

Только в этот момент до меня дошло, что за все время я не произнес ни одного слова, и она просто легко считывала мои мысли. Вдруг мне стало стыдно за ментальный поток, пронесшийся у меня в голове в эти секунды, особенно за те образы, которые мне представились. Непостижимо, как она все это могла узнать?

– Я вижу, служба безопасности уже выдала вам пропуск в здание, – взглядом она показала на рыбку в моей руке. – Я, конечно, понимаю, что вы в первый раз у нас, но все же в будущем не следует каждый раз при входе скидывать секьюрити с моста.

Тут я невольно поднял глаза на многочисленные мониторы на стенах ресепшен, где в прямом эфире транслировались все мои подвиги, планка моей мужской самооценки упала еще ниже, и я здраво оценил свои шансы на изнасилование прекрасной медноволосой зеленоглазой секретарши на стеклянном кофейном столике в ресепшен под наблюдением двух десятков видеокamer как маловероятные. Красавица после этого окончательно потеряла ко мне интерес и дежурным голосом сообщила:

– Да, кстати, тут доставили ваш портфель, он в кабинете на столе. Сюда, пожалуйста, следуйте за мной, – она мягко поплыла по коридору, оставляя за собой шлейф феромонов, концентрации которых хватило бы для начала Третьей мировой войны.

– Ваш кабинет, – она улыбнулась чуть шире. – Вам чай или кофе?..

Тут что-то окончательно сломалось в моей несчастной голове, я обхватил ее за талию и властно повлек к черному кожаному дивану, который стоял прямо у входа. Лишь через некоторое время, когда тестостерон отхлынул от мозга, я понял, что в кабинете мы были не одни.

– А вы парень не промах, – послышался мягкий мужской голос из глубины кабинета, где стоял письменный стол. – Сначала Русалку, теперь вот ведьму, какой нетерпеливый!

Анна грациозно встала с дивана, немногочисленные растерзанные предметы ее туалета, валявшиеся по всему полу, стали таять, она поправила волосы – и уже через мгновение стояла перед боссом идеально одетая и причесанная.

– Ян Дронович, вам что-нибудь предложить? – промурлыкала она кошачьим голосом.

– Крови, маленькую, – мягким голосом отозвался он, – И гостю тоже, что он хочет.

– Он хочет свежее белье, одежду и стакан французского коньяка, – кокетливо улыбнулась Анна и вышла.

К моему изумлению, мокрые носки, которые я пытался на себя натянуть, испарились вместе со всеми остальными моими вещами, и уже через секунду я предстал перед Боссом чисто одетый и с хрустальным бокалом в руке. Только сейчас я смог разглядеть его: высокий, лысый, большой нос, похожий на клюв, на благородном лице, тонкие пальцы с длинными ногтями и идеальным маникюром. Ногти были покрашены черным лаком и чуть загибались. Он сидел в «моем» кресле и с интересом меня разглядывал:

– Ну, чем могу вам служить?

Этот вопрос окончательно выбил меня из колеи, я потерял дар речи.

– Вообще-то мы случайных людей с улицы не берем, – Ян Дронович внимательно изучал свои идеальные ногти, – но этот ваш номер с троллейбусом, – он добродушно засмеялся одним ртом. – В общем, мне понравилось, опять же, настойчивость и хватка.

– Да, Кац? Как он к тебе в троллейбус рвался, да и Anne вроде понравилось, – тут он расхохотался, отчего мне стало совсем неловко.

– Кац, где ты, проклятый еврей? – загремел Шеф.

– Я не еврей, я пудель, – писклявым голосом отозвался Кац из-за дивана, – и зовут меня Тимка, то есть Тимофей, а К.А.Ц. – это номер троллейбуса.

– Хватит мне голову морочить, пожалел тебя, дурака, на Фрунзенской набережной, теперь мучайся с тобой. Раскатать бы тебя по асфальту на солнышке, чтобы не возражал.

Кац окончательно затих и забился под диван.

Время куда-то исчезло, мне сложно было понять, сколько прошло часов, минут, секунд с того момента, как я сел в троллейбус. Ян Дронович переместился из кресла на диван, я сидел в глубоком кресле напротив.

– У меня столько вопросов, – открыл было я рот.

Шеф молча замахал свободной от бокала рукой:

– Не надо спрашивать, сейчас на все отвечу, даже на твой дурацкий вопрос о зарплате.

Я приуныл, как-то очень сложно было привыкнуть к тому, что все твои мысли читались абсолютно всеми вокруг, как голый сидишь, правда.

– Что? Не схитрить? – добродушно засмеялся Шеф, – лучше голый, чем лживый. Ладно, в двух словах: я возглавляю промышленно-интеллектуальную организацию, которая занимается переработкой опыта, впечатлений, мыслей и извлечением из всей этой породы сути, то есть чистого СМЫСЛА. Короче говоря, мы своего рода интеллектуальные старатели, золотоискатели. Мы ищем смысл во всем и извлекаем его по крупницам отовсюду, где он может быть. Собрав множество этих крупниц, мы, надеюсь, сможем отлить из них ИСТИНУ, а это уже другого порядка задача! Да, отчасти ты прав, – перехватил он на лету еще одну мою мысль, – этим занимались и до нас многие, и опять же ты прав, что наиболее известными из них были так называемые алхимики. Они искали «философский камень», который сам по себе, конечно, очень притянутое упрощение нашей задачи, но как примитивное объяснение для непосвященных вполне сойдет. Золото, в которое он должен был превращать любую материю, и есть один из частных случаев выделения Смысла, конечно, на очень базовом примитивном уровне сознания. Недалеко эти ребята продвинулись, – улыбнулся он. – Впрочем, ваша задача будет совсем другой: нам понадобится поиск источников впечатлений и переживаний, опыта, в общем, любой полезной для нас информации. Не надо ничего записывать, фотографировать или писать, мы ведь и так все насквозь видим. Хотя написать отчет, чтобы потом вместе проанализировать, может, и не такая уж плохая мысль! Я подумаю об этом. Задача – пережить осмысленно определенный опыт и принести нам его в виде эмоций, воспоминаний, мыслей. Далее мы справимся сами. Это как пчела, которая летает с одного цветка на другой, пачкая лапки то в одной пыльце, то в другой, – главное, чтобы она вернулась в улей и принесла эту пыльцу. Пчеле ведь совсем не обязательно понимать химический состав пыльцы, не правда ли?.. – он посмотрел на меня через бокал, причем глаза его поменяли цвет.

– Впрочем, продвинутые знания всегда приветствуются! – Ян Дронович откинулся на спинку дивана, положил ногу на ногу и пристально посмотрел мне в глаза. – Понимаю сложность самой концепции Смысла. Ну, для начинающих, для наглядности, вот, например, стакан, – он взял в руки простой стеклянный стакан из-под виски. – Со стороны доньшка это круг, а если взглянуть на стакан в профиль, то мы имеем прямоугольник, в изометрии у нас вообще труба со стенкой с одной стороны, а если бросить стакан на пол – это просто битое стекло, то есть мусор, а может, и не мусор, а сырье для кого-то, – Шеф поднял острый край разбитого стакана и взмахнул им у моего носа, как ножом. – Может, оружие? Или дом для каких-то мелких существ, а может быть, ваза для цветка или подставка для карандашей.

– Как же тогда найти Смысл? – невольно заговорил я. – Его надо искать всегда, ежедневно, постоянно, перерабатывать тонны пустой породы, чтобы найти крупницу.

– Вот этим мы и будем заниматься, молодой человек.

Осколки разбитого стакана медленно растворились на ковре.

– Ничего, научитесь, команда у нас славная, кое-кого вы уже знаете, – он хитро подмигнул, – остальных завтра представлю. Да, будет много поездок, командировок, в общем, не соскучитесь. Вопрос с деньгами, мне казалось, не должен был возникнуть после того, как вы подстрелили этот троллейбус на Фрунзенской набережной, но для особо догадливых, – он плотоядно ухмыльнулся, – загадайте себе сколько захотите и денег, и вещей тоже любых, только Бога ради не одевайтесь, как ниггер из черного квартала, и не ездите на этих дурацких шумных

спортивных машинах, вообще поменьше к себе внимания надо привлекать. Вы очень скоро поймете, что смысл вещей сводится исключительно к желанию ими обладать, а при обладании ими он вообще сводится к функции. Эту задачку мы раскололи одной из первых.

Ян Дронович поднялся.

– Все, кажется, так?

Я встал вместе с ним.

– Шеф, вы не ответили на мой самый главный вопрос.

Уже в дверях он обернулся:

– Я – ДРАКОН.

~

Глава третья

~ Дома ~ Жизнь меняется ~ Первый рабочий день ~

~ Знакомство с офисом ~ Футляр ~

Я вышел из кабинета и оказался в приемной. Анна поднялась со своего места и с чарующей улыбкой подала мой портфель, который я забыл на диване у себя в кабинете, но по непонятным причинам он оказался у нее в руках в приемной.

– Всего доброго, – промурлыкала она, – до завтра.

– До свидания, – хмуро ответил я, глядя в пол, и зашел в лифт.

К моему удивлению, лифт открыл двери в подъезде моего собственного дома. Машина! Я же оставил ее в переулке на Садовом! Я бросился к выходу из подъезда. Был день, машина была аккуратно припаркована на своем месте во дворе, рядом курили водители из соседних квартир, они обернулись и поздоровались. «Здрасьте», – вяло ответил я и пошел домой.

Жизнь достаточно быстро изменилась после того вечера. Ян Дронович, безусловно, был прав, первое испытание было деньгами. Уже дома я обнаружил у себя в бумажнике пухлую пачку банкнот, которая вела себя совершенно неадекватно – она абсолютно никак не менялась, что бы я с ней ни пытался делать: я тратил эти деньги, покупал какие-то вещи, забывал бумажник дома, оставлял всю пачку в разных местах, бросал бумажник с моста в реку, – но всегда, когда я опускал руку в карман, он был там с неизменной суммой внутри. Я даже не мог реально понять, сколько там было денег, каждый раз при пересчете получалась разная сумма, но ее всегда на все хватало. Появилась еще черная кредитная карта, выпущенная на мое имя неизвестным мне банком с названием из трех букв. Она предназначалась для более крупных трат, и ее тоже нельзя было потерять или забыть. Номер состоял из всех шестерок. Кто и когда ее пополнял, мне было неизвестно, но она всегда работала! Поиск в Сети ничего не дал: на запрос о КАЦ Банке поисковик выдавал всякую глупость. Видимо, банк был еще одной простодушной шуткой Яна Дроновича, как сейчас говорят, стебом, что отлично вписывалось в его манеру поведения.

Вскоре благодаря этим двум вещам я понял, что человек, которого не волнуют ежедневно приходящие счета и стоимость тех или иных предметов, очень сильно начинает отличаться от всех остальных. Пропало ощущение ценности материальных объектов и денег как таковых. Покуражившись некоторое время с различными покупками, которые я никогда раньше не стал бы делать из соображений здравого смысла, я понял, что вещи, которые стали теперь абсолютно доступными без каких-либо ограничений, просто перестали интересовать меня! Они превратились в предметы окружающего мира, которые можно было взять, когда это было нужно, а когда они были не нужны, можно было просто пройти мимо. Ценность вещей стремительно обрушилась в моем сознании, это было настоящим шоком и освобождением, я перестал вообще думать о вещах, их свойствах, внешнем виде, потребительских качествах, не

говоря уже о бренде или их цене! Какое облегчение, я понял, что мне практически ничего не надо! Наигравшись со своей новой кредитной картой и купив гору совершенно мне не нужных вещей, я неожиданно понял, что вся моя предыдущая жизнь закончилась, она больше меня уже не интересовала, я услышал внутренний голос, который звал меня к новому, загадочному, неизвестному.

Вдруг мне вспомнилось, что утром следующего дня меня ждали в офисе, и Ян Дронович собирался представить меня коллегам. Я в ужасе начал вспоминать, сколько дней ушло у меня на забавы с неограниченным финансовым ресурсом, и застонал, когда понял, что на это потребовалась целая неделя. Быстро переодевшись, я вышел из подъезда, гремя связкой ключей. Мою машину на стоянке заблокировал автомобиль непонятной марки и цвета, в салоне был какой-то бардак, а на переднем сиденье справа, пристегнутый ремнем, сидел розовый слон очень низкого качества и глазел на меня дурацкими пуговицами-глазами. Я был в бешенстве! Телефонный номер был любезно написан на куске картона под лобовым стеклом странного автомобиля, но мобильный бесконечно звонил на сиденье внутри этой же машины, а розовый слон, как будто издеваясь, бессмысленно смотрел на мои страдания. Проклятые бабы, я рвал и метал! Только женщина может так запарковаться! Как мне тебя отсюда убрать? Я рванул ручку водительской двери, к моему удивлению, она подалась, и дверь открылась как-то очень мягко для такой машины, а в замке зажигания был ключ с брелоком в виде розового слона. Я плюхнулся на сиденье и повернул ключ в замке.

– Доброе утро, добро пожаловать на работу. Вы пунктуальны, как швейцарские часы, – прозвучал знакомый бархатный голос Анны.

Я стоял в приемной, в приличном темно-сером костюме, огромные напольные часы в ореховом корпусе мерно били десять утра. Я был совершенно уверен, что когда выскочил из дома, было уже далеко за полдень. Поразительно!

– Пройдите в кабинет, я приготовлю вам кофе, Рыцарь.

Рыцарь? Я? Мягко говоря, я не был готов к такому обращению.

– Ян Дронович задерживается с прогулки, но обычно это бывает ненадолго. Вам свежие газеты на бумаге или в электронном виде? Да, конечно, Рыцарь, ваш планшет на кофейном столике.

В кабинете меня ждали золотой поднос с хрустальной чашкой ароматнейшего турецкого кофе со специями и айпад. Новости, как всегда, были малоинтересными, Госдума буйствовала, население – поддерживало, торги только начались. От безделья я начал читать ссылки на дурацкие сплетни по краям экрана. Одна из заметок мне особенно понравилась: «Сегодня утром на границе России и Латвии в небо для перехвата неизвестного летающего объекта были подняты истребители НАТО, которые вытеснили объект на территорию Российской Федерации, где он был перехвачен истребителями ВВС России. Однако объект не подчинился законным требованиям летчиков и, несмотря на предупредительные выстрелы, скрылся в глубине территории России. Ведется поиск и расследование, Следственный комитет возбудил уголовное дело».

В кабинет вошел Ян Дронович, свежий, благоухающий, но не очень довольный. В руках у него был черный кожаный плащ с красной шелковой подкладкой, а за ним бежала Анна.

– Безобразное утро, – прорычал шеф, – день начинается с испорченного плаща.

Он бросил плащ на спинку дивана, в нем явно были видны пулевые отверстия огромного размера. Анна уже поставила перед ним хрустальную чашку и подхватила плащ.

– В Юрмале на редкость солнечная погода, – продолжал он, – вот я и решил освежиться в Рижском заливе, а эти идиоты сразу начинают стрелять! Какая бестактность, в следующий раз молчать точно не буду.

– Как скажете, Шеф! Что-нибудь еще?

Ян молча отмахнулся от ведьмы и расположился на диване.

– Ну что ж, я вижу, вы уже начинаете вникать и привыкать, – улыбнулся он. – Первый день – это непросто.

Его глаза постоянно меняли цвет от абсолютно черных бездонных дыр до рыбьих белых. Сейчас, раскуривая большую сигару, он смотрел на меня ярко-желтыми. Я не знал, как трактовать цвет его глаз, то ли они выражали эмоции, то ли оттенок менялся произвольно в зависимости от освещения.

– Я обещал познакомить вас, Рыцарь, с персоналом, он не особо нам понадобится, но какие-то обитатели оболочки все-таки нам нужны, иначе будет очень пресно.

Он сплюнул кусочек сигары, который, не долетев до пола, растворился в воздухе.

– Прежде всего это наши девочки-ведьмочки: Анна – милейшая простенькая сервисная программка на все случаи жизни в европейской реальности, говорит на всех языках, понятна и приятна всем, любой ее хочет в любой момент, то есть с ее помощью можно контролировать на определенном уровне клиентов, собирать информацию, манипулировать ими. Ли – то же самое, только для Азии. В Африке мы почти не работаем, поэтому я пока себе голову этим и не морочу. Конечно же, далеко на них не продвинешься, ибо мозгов своих у них почти нет – все в «облаке», а у них – одни алгоритмы. Впрочем, в органическом мире, где я взял материал для их прототипов, подобные им органические модели, за редким исключением, весьма на них похожи, просто не настолько совершенны, как мои. Фактически я их построил аналогично их биологическим, органическим прообразам – просто зафиксировал матрицу на пике их биологического возрастного расцвета и еще на пике их овуляции, модель получилась очень красивая и сексуальная. Понятно, что с чисто биологическим материалом такого добиться было бы невозможно, да и не нужно, он стареет, болеет, капризничает – одна морока. Главное в нашем случае – системная стабильность, пока все вроде хорошо, в общем – работают. Немного опасаясь за биологические воспоминания и вообще за регенерируемую органику, может глочить начать со временем или при каких-нибудь внешних воздействиях, наблюдаем.

– Так, что еще?

– Есть служба техподдержки, они работают 24 на 7 и ничего, кроме своей операционки, не знают, поэтому пообщаться с ними вам практически не придется, собственно, они и есть эта операционка! Аналитический же департамент перед вами, Рыцарь, – он довольно улыбнулся, и его глаза стали малахитового цвета. – Есть еще персонал поддержки стабильности оболочки и на всякий пожарный случай – группа эвакуации. Ах, да, ну и конечно же Кац, впрочем, он – просто моя шутка. Я иногда под настроение им закрываю всякие системные дырки, вроде той с троллейбусом, – он снова улыбнулся, и глаза стали ярко-оранжевыми. – В общем, из органики здесь только вы, мой милый друг, все остальное либо программы, либо всякая нечисть, – он расхохотался, и глаза стали васильковыми. – Органика Каца, к сожалению, была раскатана троллейбусом по асфальту Фрунзенской набережной, а писать под него какой-то софт – слишком много чести! Что с него взять? Пудель!

– А Русалка? – я вопросительно поднял брови.

– Дура, – Шеф презрительно поморщился, – за столько лет не поумнеть. Пусть сидит себе и поет под мостом, не буду ничего менять в ней.

– Старушки на лавочке – это тоже ваши?

– Это были Анна и Ли, только в другой возрастной оболочке. Я, честно говоря, ленив, стараюсь обходиться без толпы, чем меньше народа, тем как-то надежнее. Ну, для массовки, бывает, кого выдерну, но это так, по мелочам. В основном – все одни и те же.

– А зачем вам тогда я?

Ян довольно улыбнулся голубыми глазами:

– Видите ли, мой юный органический друг, какой бы совершенный софт у нас не был, в какой бы замечательной оболочке он не существовал, то, что создал Творец, мы пока повторить не можем – руки коротки. Нет такой стабильности и надежности системы, массив информации,

опять же, слишком большой – мощностей не хватает. Совсем другой уровень и масштаб технологии, я бы сказал. Органика существует уже миллионы лет, на водной основе, информация копится на бесконечных клеточных носителях, которые передают ее все дальше и дальше, и так почти бесконечно. Фактически все, что когда-то жило здесь на планете, со своей точки, со своего ракурса сняло как бы полноценное видео своей жизни, которое вместе со всем жизненным опытом, ощущениями, страхами, болью этого индивидуума было зашифровано и передано следующим поколениям подобной же органики. Вся эта органика бежит прыгает, летает, пожирает друг друга, переваривает, греется на солнышке, размножается – и так бесконечно! Таким образом, если какая-то ящерица миллион лет назад съела муху, мы теоретически можем найти эту учетную запись в любой клетке, в данный момент живущей на планете, и пронаблюдать, как это было миллион лет назад, в деталях и подробностях, как с точки зрения самой ящерицы, так и с точки зрения мухи, включая переживания обеих! Другой вопрос, что это нам не очень нужно, но огромный архив информации за миллиарды лет и со всех точек зрения продолжает храниться на органических носителях. Так что пока водную органику мы ничем заменить не можем. Но нас, Рыцарь, конечно же, волнуют не ящерицы и не мухи, а люди со всеми их страстями, переживаниями, религией, страхами, подлостью, их искусством – вот где будет очень любопытно поковыряться.

– Зачем вам все это?

– Мой милый органический друг, – Шеф, кажется, начал сердиться, – при всем моем уважении к вашему существу, есть вещи, которые вам не постичь никогда, впрочем, я вас об этом и не прошу, кажется. Делайте, что вам говорят, ведите себя естественно, и впечатлений хватит на многие последующие поколения ваших потомков.

Глаза его были черными, как холодная бездна космоса. Ян откинулся на спинку кресла, взгляд потеплел, в его руках из ниоткуда появился томик в черном переплете.

– Я тут недавно прочитал занятнейшую вещь, читали у Набокова «Приглашение на казнь»? Особенно мне понравилась идея с бархатным футляром для топора – какой эстет! Интеллигент с большой буквы, таких сейчас почти нет. Ну да ладно, думаю, пришло время отправить вас, мой Рыцарь, в первую командировку. Держите, это вам, – он толкнул ногой по ковру в мою сторону неизвестно откуда взявшийся бархатный футляр внушительного размера. – Девочки вам помогут переодеться – и в дорогу.

~

Глава четвертая

~ *Топор, помост, толпа* ~

~ *Казнь ~ Кац – вор ~ Продай мне голову ~ Неожданная развязка* ~

Когда шеф вышел из кабинета, я остался один на один с бархатным футляром. Он лежал на полу у моих ног. Я поднял его и положил на большой черный рояль, который стоял в углу. Футляр был очень легким, судя по весу, он мог бы быть пустым, снаружи отделан красивым черным бархатом и имел маленькую золотую замочную скважину. В кабинет беззвучно вошли Анна и Ли. Одна несла на подносе цепочку с золотым ключиком, другая в руках – нечто похожее на плащ-накидку без цвета и формы, вещь текла и переливалась в ее руках.

Взяв ключ, я, не задумываясь, подошел к футляру – я уже начал привыкать к тому, что форма и размер ключа и скважины не имеют никакого значения. Замочек мягко открылся, и футляр обнажил алый бархат своих внутренностей. Внутри лежал топор черного металла на длинной рукояти полированного дерева. Острие лезвия отсвечивало тонкой полоской сверхточной заточки. Топор казался практически невесомым, однако в движении он набирал вес и давал ускорение в геометрической прогрессии – я с трудом удержал его во время пробного взмаха и тем самым спас рояль от неминуемого вандализма.

– Рыцарь, вам пора, – впервые я услышал голос Ли, он ничем не отличался от голоса Анны. Девушки поклонились, и Ли набросила на меня плащ...

Первые лучи солнца упали на грубые свежесрубленные доски помоста, толпа уже собиралась и возбужденно гудела со всех сторон. Сквозь прорези в капюшоне я видел их лица, кривые черные зубы и жаждущие действия глаза. За моей спиной стояли помощники, оба крепкие, с огромными руками, одеты они были в черные плащи и капюшоны, мой плащ был алым. Опершись на огромный топор, я стоял перед плахой – темной колодой многовекового дуба со следами предыдущих казней. Толпа колыхнулась и отпрянула, стража, сомкнув щиты, стала оттеснять людей в стороны, оставляя за спиной проход шириной в длину копья. Прямо передо мной, в нескольких шагах, в толпе, воспользовавшись сутолокой и толкотней, городской воришка запустил руку под плащ соседа, вытянул оттуда кожаный кошель и умелым движением при очередном толчке толпы срезал его с пояса зеваки. Вор был черняв и неопрятен, лицо его сильно заросло, глаз он не поднимал, но даже в толпе можно было приметить его вжатую в плечи голову и маленький рост. Пытаясь быть еще незаметнее, он стал протискиваться подальше от жертвы, не показывая лица, поближе к эшафоту и уже у самых подмостков поднял глаза и оскалится, золотой зуб сверкнул на солнце – Кац! Мерзавец! Пес!

Загремела барабанная дробь, и на площадь въехала запряженная старым мулом тюремная повозка. Привязанная к столбу узница качалась на ухабах вместе с повозкой – она была без сил, ноги ее не держали, следы побоев, голода и страданий были видны издалека, на шее висела деревянная табличка, на которой дегтем было написано «ВЕДЬМА». Огненно-рыжие волосы были перевязаны зеленым платком за спиной, длинная грязная холщовая рубаха скрывала малейшие признаки тела. Мула под уздцы вел тюремный врач, сзади шла короткая процессия из двух монахов, они прятали головы под серыми капюшонами и перебирали четки. Повозка двигалась через клокочущую толпу, люди изрыгали проклятия, плевались, бросали в пленницу куски глины и навоза. Стража с трудом удерживала натиск толпы и периодически пускала в ход короткие мечи, которыми плашмя лупила особенно зарвавшихся по бокам. Повозка приблизилась к эшафоту, и я поймал взгляд знакомых зеленых глаз – Анна! Помощники палача, разгоняя зевак короткими острыми мечами, обернутыми в подолы своих плащей, срезали узницу со столба и, подхватив ее под руки, легко подняли на доски эшафота. Толпа взвыла и надавила на передние ряды, кто-то упал, кричали женщины, детей поднимали над головами, все жаждало крови. Чужой крови, сейчас, в страданиях и муках. Я подал знак, и узницу поставили на колени посередине помоста, монах что-то шептал ей на ухо, она же, широко открыв глаза, смотрела на золотистые лучи солнца, которые играли в облаках. Лучи начали согревать доски, и ночной иней стал медленно отступать в щели.

Послышались трубы, и толпа на едином выдохе повернулась к башне. Среди длинных флагов на балконе на возвышении стояло черное бархатное кресло, в нем, удобно расположившись, кутаясь в черный мех мантии, сидел Ян Дронович. Его оранжевые глаза пристально смотрели на меня. Справа от него стоял сервировочный столик с фруктами и высоким хрустальным бокалом с красным вином. Он отщипнул виноградинку и положил ее в рот. Резкий поток энергии пронзил мой разум, подобно тому, как меня ударило током по вине мерзавца Каца на троллейбусной остановке, я перестал быть наблюдателем этой сцены, я стал самим собой – современным цивилизованным человеком, горожанином с высшим образованием из мегаполиса, который никого в жизни, кроме насекомых, никогда не убивал, не присутствовал на казнях, не был на войне, и вообще, боится крови. Я ощутил, что стою с топором в руках на эшафоте, и это я должен совершить казнь. Ужас сковал холодом все мое тело, голова же разрывалась от внутреннего давления, казалось, вся кровь вселенной рвется в мой мозг, разрывая на части сосуды и артерии, перемалывая воспоминания и чувства, – нет! Только не я! Я не могу ЭТО сделать! Руки до синевы сжали рукоять топора, толпа притихла. Шеф кивнул и потянулся за бокалом. Помощники палача подхватили ведьму под руки и с треском разорвали ее рубище,

обнажив плечи и грудь, положили ее голову на плаху. Со стороны казалось, что она прилегла поспать, голова лежала удобно на боку, огромный зеленый глаз косился на меня без всякого страха, медные локоны развевались на ветру. Меня вдруг поразила кажущаяся обыденность ситуации – она точно так же могла бы положить голову на подушку и с тем же выражением смотреть на меня зеленым глазом в ожидании ласки и нежности. Она не боялась, не молила о пощаде, не раскаивалась, не плакала – она просто смотрела и ждала. И я понял, что каждый миг в этой ситуации длится вечно, время развернулось веером, накрыло эшафот и, раскрутив вокруг своей оси всю площадь, вместе с толпой, плахой, стражей, метнуло этот комок праха в бесконечный космос.

Ян Дронович раздавил виноградинку зубами, и сок медленно потек ему в рот. К моему ужасу моя левая рука сама потянулась к Анне и крепко взяла ее за густой пучок медных волос, чуть ниже зеленого платка, наматывая кольца прядей на пальцы. Правая рука, легко перехватив рукоять топора с середины за конец, медленно пошла вверх к небу и застыла, я поднял глаза на Шефа. Мой внутренний мир развалился на молекулы, которые стелились по земле, собирались в пирамидки и воронки, летели с ветром моего сознания в никуда. Воля! Нет! «У вас нет доступа к такой функции», – отвечало естество механическим голосом. Боже, что же я делаю, я не могу.

Ян выплюнул косточку от виноградинки, топор с нарастающей скоростью, разрывая действительность на своем пути, с легким стальным звоном, не заметив малейшего сопротивления плоти, вгрызся в старую твердую плаху. Лезвие топора на две трети вошло в черное дерево, и колода с хрустом дала длинную трещину до самого основания. Черно-белая картинка, пропадающий звук, плывущие края объектов, горячие брызги и липкая лужа под ногами.

Вздых толпы поднялся тяжелым облаком над площадью, все остановилось, маятник повис в крайней верхней точке, время умерло. Я медленно опустил глаза на то место, где только что острие вошло в черную деревянную плоть. Колода видала многое на своем веку. Топор глубоко застрял в дереве, но работу свою сделал лишь наполовину, и извлечь его уже было невозможно... Приступ липкого отчаяния наступил коленом мне на грудь, воздев глаза к небу, я издал хриплый рев, который ознаменовал окончательное прощание с прошлым, картинка вернула цвет, появился звук, перед глазами стояли десятки людей в полной тишине, с открытыми ртами и глазами, вылезавшими из орбит, стража, забывшая о своем ремесле, монах с четками, выпавшими из его рук долю секунды назад, тюремный врач, схватившийся за голову, мул, жующий сено из яслей... На фоне этой абсолютно статичной картины перед глазами проскользнул Кац, остановился на миг, оскалился и показал большим пальцем вверх. В следующий миг я выхватил из ножен свой короткий меч, и клинок с оттягом довершил то, что не смог сделать мой топор.

Молчание рухнуло на площадь с единым выдохом толпы, которой потребовался еще один вдох, чтобы разродиться диким ревом триумфа. Я, палач, стоял на эшафоте пред толпой, держа за косу в левой руке голову Анны, а в правой руке, горя на солнце и целясь прямо в небо, красовался мой меч. Толпа неистовствовала, люди напирали, стража смешалась с толпой, рев оглушал. Ян Дронович медленно поднялся на эшафот, снял бриллиантовый перстень с черной перчатки и весело посмотрел на меня зеленым глазом в отверстие кольца.

– Продай мне голову, палач.

Толпа ревела, переходя на хрип. Мое жалкое сознание давно покинуло меня и с интересом наблюдало за происходящим со стороны.

– Нет, не продам, – я не верил, что мог сказать такое, толпа затихла, – но поменяю на другую.

Толпа взорвалась диким хохотом. Ян без малейшего колебания обвел людей оранжевым взглядом и безразлично произнес:

– Бери любую!

Я сделал шаг к краю эшафота, толпа отпрянула, закричали женщины, стражники побросали копья и подались назад. Сквозь прорези капюшона были видны испуганные глаза и перекошенные от ужаса лица только что ликовавшей толпы. Присев на корточки

у края подмостков, я смотрел этим людям в глаза и не видел в них ничего, что позволило бы мне пожалеть хоть кого-нибудь из них, плотский страх и вселенская пустота миллионов глаз.

– Хочу эту голову, голову вора, – произнес я и указал на Каца.

Все с ужасом подались назад, оставив вокруг него пустое пространство. Кац, не готовый к такому развитию событий, попытался нырнуть в толпу, но она отторгала его всякий раз, как инородное тело. С воем он завертелся на месте, скуля и умоляя о пощаде. Помощники спустились с подмостков и молча уволокли Каца на эшафот. Толпа, оправившись от страха, стала с любопытством подступать к подмосткам. Кац лежал на досках и смотрел мигающими черными глазками прямо в глаза Анне, голова которой лежала перед ним на эшафоте. Его руки были связаны ремнями за спиной. Ян Дронович повернулся к нему спиной и равнодушно изучал свои длинные черные ногти. Я придавил ногой голову Каца к подмосткам.

– Ты – вор и мерзавец, зачем ты срезал этот кошелек?

Я извлек кончиком кинжала кошелек у вора из-за пазухи, и он свисал на ремешках с длинного острия у всех на виду. Чье это? Зачем украл? Повернувшись к толпе, я еще раз спросил:

– Чей кошелек?

В толпе чувствовалось волнение, но никто не признавался. Взмахнув тонким острием кинжала, я пригвоздил сквозь обе щеки голову Каца к подмосткам, кошелек звонко плюхнулся на доски, монеты раскатились и начали проваливаться в щели. Кац скулил и бешено вращал глазами. Толпа охнула.

– Голову! – послышался неуверенный возглас.

– Голову! – подхватила толпа, – голову!

Помощники под гогот и улюлюкание возились с топором, который завяз в колоде, они никак не могли его высвободить, колода треснула и развалилась надвое. Толпа ревела и бесновалась.

– Достаточно! – спокойным голосом сказал Ян Дронович, вынув огромный инкрустированный золотом пистолет из-под плаща. Глухой хлопок с облачком синего дыма – и золотой зуб, вылетев изо рта Каца, прокатился по подмосткам и упал в щель между досок.

~

Глава пятая

~ В офисе ~ Анна и Кац ~ Эго ~

– Ну что ж, неплохо для начала. Полагаю, вам, Рыцарь, теперь есть что вспомнить.

Ян Дронович уютно сидел в кресле с бокалом. У его ног на ковре устроился черный пудель, и свободной рукой Босс трепал его за уши. В кабинет вошла Анна с кофе на подносе, ее зеленые глаза, как всегда, приветливо искрились.

– Доброе утро, господа, ваш кофе.

– Спасибо, Анна, больше ничего не нужно, – улыбнулся Ян Дронович.

– Как шикарно смотрится ваш трофей на ковре, – нежно пропела Анна и вышла с подносом.

Только сейчас, подняв глаза, я заметил, что на ковре над спинкой дивана появился большой черный топор, рядом на кожаном ремешке висел тонкий кинжал.

– Это я распорядился повесить, – тихо произнес Ян Дронович. – Думаю, вам будет приятно вспомнить ваше путешествие.

Мне нечего было на это ответить, я смотрел в его желтые глаза, молча гоняя кубик льда в стакане.

– Хотите поделиться со мной впечатлениями? – его взгляд пронизывал меня.

– Зачем вы заставили меня убивать?

– Ну, начнем с того, что вы никого не убивали, да, в общем, вас никто и не заставлял, вы могли проявить малодушие, расплакаться и бросить топор. Толпа, полагаю, вас растерзала бы, и нам тоже было бы что обсудить сегодня. Вы же поступили как воин и оправдали свое рыцарское звание. Я, право, очень впечатлен, – он приблизил ко мне свое лицо и пронзил меня алым взглядом, – особенно вашей концовкой. Я собирался закончить аккордом с кольцом, и потом вместе с Анной посмеяться над всем этим – моей сервисной программе отрубили голову, программисты из оболочки долго ее пришивали. Бедный сисадмин, представляю его рожу! Но нет, вы возжелали играть дальше! Что? Человечки вас взбесили? Биомасса? Как они радовались чужим страданиям! Как кричали! Как хотели все увидеть своими глазами, а потом рассказать соседям! Ни одного лица со слезами сострадания к молодой, потрясающе красивой женщине, невинной! Она ведь могла бы быть для каждого из них сестрой, женой, дочерью, мамой, в конце концов. Нет, никто не усомнился в ее виновности, все кричали, – Ян громко стукнул по столу ладонью, и его глаза загорелись таким цветом, которого я не видел никогда ранее. – Крови хотели, мук! Кто-нибудь усомнился хоть на мгновение в правомерности обвинения? Труссы! Скоты! А когда я сказал палачу: «Бери любую голову», – как они дернулись все! И даже стражники! – Ян расхохотался.

– Ну, и где же здесь истина? В том, что люди трусы, просто биомасса, которая хочет выжить и размножиться на солнышке? – я был ошарашен своим выводом.

– Нет, Рыцарь, чтобы прийти к такому, не стоило устраивать столь красочное шоу, житейских наблюдений для этого вполне достаточно.

– Так чего же мы добились, что доказали? Где же истина?

– Она всегда в концовке, и вы ее блестяще извлекли.

– Не понимаю.

– Все сложно, Рыцарь. Творец любит разнообразие, бесчисленное разнообразие вариантов! И только тогда в этом бесконечном перечислении может возникнуть вероятность сбоя, который и будет основанием для появления чего-то нового, то есть прогресса, развития и, в конечном счете, положительного естественного отбора. Вы прекрасно нам продемонстрировали это на своем примере, и толпа это приняла, они готовы были отдать вам любого с радостью, лишь бы не себя лично, – коллективный разум! – Ян откинулся на спинку кресла и снова рассмеялся. – Я допускал два варианта: вы отрубите голову, а потом сломаются или вы сразу сломаются и не отрубите голову. В целом понятное поведение среднестатистического индивидуума. Но такого, с выбором жертвы из толпы и наказанием вора, я, конечно, не ожидал. Браво, я, кажется, не ошибся в вас! Кац, паршивый пес, что ты думаешь?

Кац заскулил и полез под кресло.

– А что, он теперь опять будет пуделем, после того как вы его застрелили на плахе?

– Не знаю, еще не придумал, он славный малый, и вы с ним, кажется, уже сработались, – Ян Дронович улыбнулся и чокнулся с моим бокалом, стоявшим на кофейном столике.

– Все прошло блестяще, какой драйв, сколько эмоций! Какая натуральность!

– Так вот что вам от меня надо! Вы хотите искренности в стрессовом состоянии?

– Ну это, пожалуй, единственное состояние, когда врать сложно, – его улыбка была обезоруживающей. – Вы прекрасно себя проявили как характер, как личность, вы держали толпу в своих руках. Вы – действительно Рыцарь, только об этом еще не все знаете.

– Я думал, что рехнусь, когда казнил Анну! Неужели вам ее не было жалко?

– Мой эмоциональный друг, Анна – всего лишь сложный программный продукт, существующий только тогда, когда мы работаем, операционная система, казнить ее могу только я, отключив от системы. Что же касается всего остального белково-органического мира, то мне его, право, не жалко – все, что рождается и умирает, подчинено закону относительности, начало и конец – это всего лишь две точки на отрезке бесконечности, и насколько далеко они находятся друг от друга, в масштабах этой бесконечности совершенно не важно.

- Так что же важно?
- Важны отклонения от стандарта, особенность, неповторимость, оригинальность, если хотите, – то, что может запомниться и остаться на потом.
- Я все равно не понимаю, чего вы добились.
- Оставим это, со временем поймете, Рыцарь. Опыт – великое богатство. Расскажите мне лучше, что вы думаете о той толпе.
- Они были ужасны, звери, не люди.
- Но все же это были люди, простые люди без видимых отклонений, так ведь?
- Полагаю, что да...
- Ну так объясните мне, неорганическому, что ими движет? Мне очень интересно.
- Я наклонился и обхватил голову руками, перед глазами были лица, глаза, рты – все сливалось в какую-то серую массу, которая катилась лавиной, сметая и пожирая все на своем пути.
- Страх, чувство самосохранения.
- Хорошо, мне это понятно, но почему тогда не уйти в сторону и не бояться где-то там на безопасном расстоянии? – улыбка Яна была просто издевательской. – Зачем кричать, требовать страданий, жестокости, ведь каждый из них может быть следующим, вы прекрасно это продемонстрировали!
- Да, но так они чувствуют свою причастность к силе, и это дает им чувство безопасности, страх их возбуждает, заводит, они кричат, пытаясь успокоить свой страх громким проявлением причастности к силе и непричастности к страданию, даже если это очевидно несправедливо, они таким образом пытаются дистанцироваться от страдания и боли.
- То есть чем больше кричишь, тем менее страшно и даже безопаснее? Очень интересно! – Ян, не скрывая, издевался надо мной.
- Нет, это просто попытка декларировать свою причастность, ощутить себя на стороне силы и тем самым дистанцироваться от плохого.
- Ян сидел, прижав бокал к губам, и задумчиво смотрел белыми глазами в точку на ковре:
- Эго, эго, трусливое эго! Кажется, мы заслужили сегодня хороший ужин, Рыцарь.
- * * *

Вечером, сидя за огромным столом резного дерева с бокалом вина, Ян с удовольствием шурился на огонь, потрескивающий в высоком французском камине.

– Скажите, как вы относитесь к космическим исследованиям, всяким станциям, ракетам, спутникам?..

Я перестал жевать баранину.

– Что вы хотите сказать, Шеф?

– Мне подумалось, что для смены обстановки вам неплохо бы посмотреть на звезды. Хотите сигару?

– Выкурю на орбите, – неудачно пошутил я.

~

Глава шестая

~ Космос ~ Изучение материальной части ~ Невесомость ~

~ Неожиданное образование ~ ЧП ~ Выход в открытый космос ~

~ Развязка в лифте ~ Смерть пуделя ~

Знакомое ощущение удара током не позволило мне закончить вкусный ужин, картинка замигала, нижние углы поплыли, звук пропал... Я сидел, упакованный в узкий скафандр,

в шлемофоне шел обратный отсчет, мониторы кругом отображали малопонятные мне параметры, на центральном Анна тоже вела обратный отсчет: пять, четыре, три...

– Не верю, не может такого быть, – лоб покрылся испариной, – я боюсь, не хочу, в конце концов...

– ...два, один, зажигание, старт!

Ощущение удара снизу спутало мои мысли, перегрузка вжала в кресло.

– Как вы себя чувствуете?

Я молчал.

– Все системы работают нормально, биопоказатели в норме, пожалуй, высоковато артериальное давление, сейчас поправим.

В скафандре ожил какой-то механизм, и я почувствовал легкий укол в районе бедра, ощущения изменились, кровь перестала биться в висках.

– Так лучше, – пропел голос Анны в шлемофоне. – Все будет в порядке, не беспокойтесь. Передавайте привет Ли.

– Ли?

Мой мозг начинал функционировать, прошло уже около получаса, и нагрузки стали спадать. Я оглянулся вокруг: панель выполняла свои задачи, мерно выдавая и фиксируя параметры движения, слева и справа от меня были иллюминаторы, вид действительно впечатлял, такого в Москве не увидишь.

«Жаль, фотоаппарата нет», – подумал я.

– Камера, находится в семнадцатом отсеке, начинайте изучать матчасть, – послышался голос Яна Дроновича в шлемофоне.

Центральный монитор сменил картинку, и вместо многочисленных графиков, считывавших параметры корабля и пилота, появился анфас Яна Дроновича.

– Вам, Рыцарь-Пилот, необходимо ознакомиться с внутренним устройством корабля, вся документация находится в файлах бортового компьютера, желательно это сделать быстро, так как вы уже приближаетесь к орбитальной станции «Тайян», у китайцев там внештатная ситуация, в целях эксперимента единственный пилот корабля – беременная женщина, она уже 38 недель на станции, эксперимент до последнего момента проходил в штатном режиме, но в самом конце плод перевернулся, и без посторонней помощи оба погибнут. Вернуть их на Землю нет технических возможностей, да и перегрузок они точно не перенесут при посадке, так что принято решение послать им на помощь грузовой корабль с пилотом, удачи вам. Кстати, я надеюсь, вы знаете, как устроены женщины, в смысле внутри, – Ян Дронович плотоядно улыбнулся. – И на будущее: постарайтесь не язвить мне и попридержите ваш сарказм, Рыцарь-Пилот, не стоит дразнить мою фантазию.

Экран сменил картинку, Ян исчез, предоставив монитор в распоряжение телеметрии, параметры корабля были в норме, и только один график, указывающий частоту моего пульса, резко ушел в красную зону.

Я откинулся назад и тяжело перевел дух, взгляд упал на сигару, игриво перевязанную розовым бантом и приклеенную скотчем к микрофону интеркома. В другой ситуации я бы выругался, но, начиная понимать, с кем имею дело, передумал. В зубах у меня застрял кусочек баранины как единственное напоминание о том, что другой мир существует, и я совсем недавно прибыл оттуда. На правом мониторе появились очертания китайской орбитальной станции, я решил взять себя в руки и повернул кресло к дисплею бортового компьютера. Обучающая программа была на высоте, за полтора часа, которые ушли на сближение, маневрирование и стыковку аппаратов, я получил полный курс с погружением в основы пилотирования космических и сверхзвуковых аппаратов, основы аэродинамики, освоил карту звездного неба, основы астрономии, внутреннее устройство шаттла, на котором находился сам, и китайской станции, которая в переводе, как выяснилось, называлась «Солнце» и на которую необходимо было про-

браться, основы биологии, химии и анатомии, практический курс гинекологии, разговорный китайский язык. Программа работала напрямую с нейронами моего мозга без участия органов речи, зрения и слуха, она просто сливала терабайты информации мне в мозг, совершенно не заботясь о моем мнении.

Мое обучение прервал чувствительный толчок, это шаттл шлюзовым отсеком коснулся станции, еще немного маневрирования – сработали шлюзовые захваты, и корабли удачно сошлись. Послышалась щелчки зажимов, стягивавших уплотнители переходной камеры, и звуки насосов, накачивавших воздух в создавшееся пространство. На мониторе загорелись сообщение об удачной стыковке и разрешение на открытие люков шлюзового отсека. К моему удивлению, столь значительное образование, которое я получил за последние два часа, совершенно не давило мне на голову, напротив – информация улеглась по полочкам, очень многие вещи вдруг стали что-то означать для меня и выстраиваться в цепочки логического порядка, знание сделало окружающий мир более четким и понятным, появилась легкость в принятии решений.

– Ну? Как вам, Рыцарь-Пилот, живется с грузом университетского образования в области астронавтики? – желтые глаза Яна Дроновича всплыли на центральном мониторе.

– Ян Дронович, не заставляйте меня это делать, пожалуйста!

– Все идет по плану, работайте, Пилот.

К сожалению, я ничего не знал о его планах, он же легко читал все мои мысли, как будто у меня на лбу была красная бегущая строка.

Я отстегнул ремни, и невесомость приподняла мое тело из кресла, ощущение оказалось очень необычным. Мимо проплывала всякая мелочь, покачивая бантиком, к моему лицу приблизилась сигара – в чувстве юмора Яну Дроновичу было сложно отказать. Я засунул сигару за крепление обшивки и невольно посмотрел в иллюминатор: слева от меня, как Солнце, светила огромная Луна, справа – спала голубая матушка Земля.

—

Господи!

Творец!

Прекрасны творения твои, – невольно вырвалось у меня.

Я, легко оттолкнувшись ногой, плавно поплыл в сторону стыковочного отсека, над шлюзом мигала зеленая лампочка, кажется, все было нормально, я заглянул в окошко – внешне ничто не предвещало опасности. Еще раз перепроверив данные на мониторах, немного повозившись с замками, я дернул дверь. Она легко подалась и открыла проход в камеру. Передо мной в окружности присосок виднелись корпус китайской станции и входной люк. Радиосвязи с «Тайян» не было, что абсолютно лишало меня возможности похвастаться своим хорошо поставленным пекинским диалектом. Знание меня просто разрывало на части, особенно на фоне того, что за всю свою жизнь я не сказал ни единого слова на этом языке. Я подплыл к монитору и связался с центром управления.

– Да, Рыцарь-Пилот, чем вам помочь? – прозвучал знакомый голос Анны.

– Я открыл стыковочный отсек, все нормально.

– Прекрасная работа, Рыцарь-Пилот!

– Заканчивай, Анна, мы не в Голливуде, там второй люк закрыт и связи нет.

– Мы потеряли связь с «Тайян» 40 минут назад, у станции повреждены правые солнечные батареи. Возможно, причина в энергонедостаточности, наши специалисты работают над этим, Ян Дронович сказал вам действовать по обстоятельствам.

– Ань, это как?

– Постучи в люк чем-нибудь, – вдруг она перешла на ты, – но мне кажется, Шеф там что-то еще придумал, не все так просто.

– Это что за разговорчики такие? – грозно рыкнул Ян в эфир.

Анна ойкнула и исчезла с монитора.

– Я так и знал, что программа начнет сбоить, как только свяжется с органической субстанцией! Работайте, Пилот.

Я поискал в инструментах, выбрал самый крупный и подплыл к люку «Тайян». Приложив ухо к обшивке, прислушался – внутри было абсолютно тихо. Я несколько раз тихонько постучал ключом по обшивке – ответа не было. Боже милостивый, неужели там уже нет никого в живых! Я ударил еще раз, значительно громче – без ответа. Тут мой взгляд упал на обод стыковочного шлюза китайской станции – в щели между люком и ободом при закрытии люка «закусило» кусок утеплителя, видимо, была нарушена герметичность, и кислород сочился в щель и уходил в космос, что и стало причиной отсутствия радиосвязи с той стороны. Я начал изо всех сил стучать ключом по люку. Гулкие звуки ударов расходились волнами по всей обшивке, пропадая в вакууме.

– Рыцарь-Пилот! – на мониторе появилось озабоченное лицо Анны. – Похоже, у них на станции задымление, боюсь, мы не можем рисковать дальше – если там пожар, и вы откроете стыковочный люк, сгорят оба корабля. Принято решение отстыковываться, большая вероятность того, что живых с той стороны уже нет, сожалею. Поступила команда готовиться к отстыковке.

– Подождите, как же так? А Ли? Мы не можем бросить ее умирать в открытом космосе!

– Поступила команда отстыковываться, – произнесла Анна стальным голосом, – погибнут оба корабля, мы не для этого вас посылали.

– Постойте, у китайской станции есть же дополнительные шлюзы для входа и выхода в открытый космос! Я надену скафандр и вскрою один из них снаружи, если там пожар, кислород тут же уйдет из отсеков, и пожар потухнет сам, если повезет, я успею надеть на нее скафандр, и мы вернемся на шаттл.

– Это невозможная операция, расчеты показывают, что шансы на успех равны долям процентов, нет необходимости в таком риске.

Я уже не слушал, что говорили в мониторе, и, отталкиваясь от скоб на внутренней обшивке, полетел в центральный отсек, где хранились скафандры. Быстро надеть его было

невозможно, и я провозился добрые 40 минут, это время могло стоить жизни, но другого выхода я не видел. Закончив наконец пристегивать шланги дыхательного аппарата, я закинул ранец на спину, самые необходимые инструменты привязал к поясу и включил внутреннюю частоту в шлемофоне. Технология скафандра проецировала видео- и аудиосигнал прямо в мозг астронавта без помощи органов зрения и слуха. Где-то в центре мозга я услышал голос Яна Дроновича:

– Вы, кажется, решили поиграть с судьбой, приключений мало?

– Я ее там не брошу, – решительно ответил я.

– Хорошо. Анна командуйте операцией, постоянно снимайте показатели его организма, и если он отключится, подцепите его манипулятором шаттла, закиньте в грузовой отсек и сразу отстыковывайтесь. Команда ясна?

– Да, Босс, – пропела Анна таким голосом, как будто бы говорила на ушко: «Я вся твоя».

Я уже был в отсеке перед люком.

– Закрывайте шлюз, – начал было я командовать, но Анна нежно меня прервала:

– Нет необходимости так кричать, мы в прямом контакте с вашим мозгом, можете вообще молчать.

Я стиснул зубы, это звучало как «заткнись и занимайся своим делом, мы и без тебя знаем, как действовать». Тем временем люк шлюза закрылся за моей спиной, кислород начал откачиваться, чуть выше горизонта моего правого глаза загорелась надпись индикатора о готовности шлюза и побежали цифры обратного отсчета. Четыре, три, два, один... щелчок электрозамков, видимо, был специально сымитирован для меня, так как услышать в вакууме его все равно было нельзя. Я нажал на дверь, и она подалась, открыв передо мной пространство космоса.

– Длина страховочного троса у вас ограничена, вы сможете работать только с ближайшим люком станции, если удастся проникнуть внутрь, вам придется пробираться через научно-исследовательский отсек вверх по станции, план-схему корабля я скинула вам на шлемофон, – перед глазами появилась маленькая зеленая схема китайской станции со всеми входными отсеками, красной мигающей стрелкой было отмечено место входа.

– Далее по схеме, Рыцарь-Пилот.

На схеме появился пунктир, который указывал путь продвижения внутри станции.

– Спасибо.

Я сделал шаг – и... о, Создатель! Такое невозможно увидеть, сидя на дне воздушного океана! Казалось, протяни руку – и можно набрать пригоршню звезд. Я вспомнил почему-то лес, когда бредешь по тропинке, заглядывая под все листики, собирая грибы, радуешься каждой находке, обходя поганки и мухоморы. Треск сучьев под ногами, а вот и луна, прекрасная в своем обличье тонкого месяца, совсем как кусочек сыра, казалось, только протяни руку.

– Что, Николай Васильевич вспомнился? – засмеялся голос Яна Дроновича в моем правом полушарии. – Месяц хватать не надо!

Его слова отрезвили меня, и я начал двигаться по корпусу шаттла к сломанной солнечной батарее станции, хватаясь за внешние скобы на обшивке. Время остановилось или его мне выключили, я уже не понимал, несколько раз нога соскальзывала с обшивки, но каждый раз заботливая рука манипулятора шаттла ловила меня за рюкзак скафандра и, как щенка, ставила на место. Это отчасти меня раздражало, но в душе я понимал, что без помощи Анны я давно сорвался бы и, быть может, улетел бы в черноту и холод бесконечности. Наконец я добрался до солнечных батарей, они были в лучшем состоянии, чем казались издали, несмотря на то, что их сломало пополам, на большей части рабочей поверхности они были работоспособными, их можно было восстановить.

– Не зависай на батареях, – послышался голос Яна, – кислорода не так много.

Я продолжил путь по обшивке туда, где на плане мигал красный треугольник. Наконец перед глазами появились разъем отсека и внутренний люк – он был без внешних повреждений.

– Срезайте замки, времени почти не осталось!

Мой мозг, мгновенно отреагировав, сгенерировал ярко-голубой луч, который исходил из точки между глаз. Того самого места, где индусы рисуют себе красное пятно, и вообще считают это место чакрой.

– Неплохо, неплохо, – Шеф был доволен, что редко показывал.

– Срезайте замки через один по часовой стрелке, – командовала Анна, – когда закончите, подцепим люк манипулятором, главное, не стойте на его пути, а то еще зашибу вас.

– Ну уж, пожалуйста, будьте поосторожнее, – сквозь зубы съязвил я.

Тем временем замки были срезаны, и Анна вплотную приблизила щупальца манипулятора к люку.

– Зацепиться не за что, – растерянным голосом произнесла она, когда пальцы манипулятора соскользнули третий раз с обода люка.

– Прижми его к краю, – скомандовал я и усилием воли тепловым лучом начал приваривать щупальце манипулятора прямо к крышке люка.

– Что вы делаете? Вы погубите манипулятор!

– Не до этого, да и поздно уже. Все, ухожу в сторонку, дергайте манипулятором люк.

От сильного рывка я опять потерял равновесие, нога сорвалась со скобы, и я поплыл в космос на страховочном тросе. Анна быстро подхватила меня вторым манипулятором и буквально запихнула в отсек, закрыв крышкой, приваренной ко второму манипулятору. «Как курица в супе», – подумалось мне. Я оказался в достаточно большом стыковочном отсеке. К моему удивлению, в нем присутствовала гравитация, и я встал на ноги. Отсек был не традиционно круглый, а почему-то прямоугольный, на одной из его стен было большое зеркало. Слева горела примитивная панель управления. «Никогда не думал, что у китайцев есть технология искусственной гравитации», – промелькнула мысль. В этот момент за моей спиной разъехались в разные стороны двери, и я буквально вывалился в холл ресепшен офиса Яна Дроновича. Анна вышла мне навстречу со своей безукоризненной прической и пропела:

– Вы не ушиблись, Рыцарь-Пилот?..

Ян стоял, скрестив руки на груди, опершись на стойку ресепшен, и улыбался, Ли, совсем не беременная и не нуждавшаяся в моей героической спасательной операции, объясняла курьеру по телефону, как найти офис в здании.

Я сорвал с себя шлемофон скафандра и понял, как глупо выглядел во всей этой сбруе, потный, задыхающийся, абсолютно измученный космическими перегрузками и работой на орбите. Кац выглянул из-за угла, показав золотой зуб, и хмыкнул отвратительным голосом. Тут меня сорвало с резьбы.

– Сволочь, мерзавец, убью гада! – неизвестно откуда в моей руке появился тот самый огромный пистолет, с которым я уже познакомил троллейбус на Фрунзенской набережной. Кац пискнул и бросился по коридору.

– Стой! – я бросился за ним, разряжая обойму на ходу.

Минуту спустя все с интересом смотрели, как я медленным шагом с опущенной головой возвращался на ресепшен, волоча по ковровину дохлого черного пуделя.

– Совсем не обязательно убивать Каца в конце каждой миссии, – процедил Ян Дронович сквозь зажатую в зубах сигару. – Анна, сделайте мне зеленый чай.

~

Глава седьмая

~ Дуэль ~ Беседы в офисе и под цветущей грушей ~

– Я, признаться, несколько разочарован, – задумчиво произнес Ян, разглядывая мир через хрусталь своего стакана. – Вы совершенно себя не контролируете. Пристрелить несчастного пса только потому, что вы расстроены, – это как-то недостойно. Что он мог сделать вам в ответ? Укусить за штанину? Понимаю, если бы вы вызвали его на дуэль, как полагается, с выбором секундантов и оружия. Тогда бы его гибель могла как-то скрасить ваше неприятие его противной ухмылки. А так, пристрелить и бросить дохлого пса на ковре – несерьезно, не тот масштаб. Не ваш уровень! А что если он теперь захочет вас за это вызвать на дуэль?

– Он меня – на дуэль?

– Почему бы и нет?

Звук, как назло, исчез. Черно-белая картинка поплыла на углах.

Раннее серое утро, легкий туман и морось. Дорога раскисла, и копыта лошадей скользили по глине. Разбитая лесная тропа, остатки побуревшей листвы и травы на обочинах и унылый пейзаж средней полосы в конце ноября – идеальное окружение для того, чтобы свести счеты с жизнью, неважно, своей или чужой. Шел мелкий снежок, который не успевал долететь до земли и лишь ухудшал видимость в и без того короткий световой день. Лес уже скинул листву и был совсем прозрачен и грустен. В условленном месте на поляне меня уже ждали секунданты. Анна была моим секундантом, а Ли, по замыслу Яна, должна была быть секундантом Каца. Они неподвижно сидели в седлах, укутанные в длинные черные плащи, капюшоны скрывали лица, а полы – фигуры. Я пустил коня шагом и приблизился к Анне:

– Доброе утро. Кажется, я вовремя?

– Да, вполне, еще не все собрались.

Ли склонила голову в приветствии, я поклонился ей в ответ. Мы ждали Каца. Лошади фыркали и переступали с ноги на ногу, все нервничали. Чтобы размяться, я спешился и привязал коня к дереву. Молодой красивый золотой жеребец нервно косил глазом и выпускал пар из ноздрей. Я похлопал его по крутой шее и, сложив руки за спиной, медленным шагом стал прогуливаться по периметру поляны. Это было небольшое лысое пятно в березовом лесу, где летом проходили шумные пикники и гулянки, и до сих пор были видны следы костров и остатки человеческого веселья. Я живо представил себе развеселую подвыпившую компанию, костер, пение под гитару, громкий смех и запах шашлыков на залитой солнцем полянке. Барышни ловят бабочек сачком, бегают породистые собаки, дети играют в прятки. Ход моей мысли был прерван стуком копыт, всадник приближался галопом. Я удивленно повернул голову и увидел разгоряченного Каца на вороной кобыле – он влетел на поляну, глаза его горели, черные кудрявые волосы разметались на ветру. Он был без шляпы и чрезвычайно возбужден. Спрыгнув с лошади, Кац бросил уздечку Ли и огляделся:

– Ну, где все? Я готов!

– Ждем Яна, – спокойным голосом произнесла Анна, – он везет пистолеты.

– А, пистолеты, – обрадовался Кац. – Револютеры, я надеюсь?

– Пистолеты, у каждого будет один выстрел.

Кац разочарованно махнул рукой, но спорить с волей Яна не посмел.

Вдалеке на дороге показались огни кареты, нарастал шум копыт, и через некоторое время на поляне появился черный кожаный возок, запряженный парой гнедых лошадей. Кучер был незнакомый, он спрыгнул с подножки и открыл дверь. Ян сидел на подушках в глубине кареты. В темноте еле различимы были только его глаза.

Он не собирался опускать ноги на мокрую землю и жестом пригласил подойти к нему. Секунданты спешили и подошли к открытой дверце.

– Пятьдесят шагов, – послышался тихий голос Яна, – один выстрел, пистолеты заряжены, раздайте по жребию.

Анна поклонилась и взяла из темноты кареты большой полированный деревянный футляр обеими руками. Она повернулась к нам и замерла с ним на вытянутых руках. Ли щелкнула замками и отошла в сторону. Перед нами на пурпурном бархате валетом лежали два глад-

коствольных дуэльных пистолета. Ли вышла на середину поляны и, воткнув в центре шпагу, отсчитала 50 шагов в обе стороны. Позиции были определены, барьер установлен.

– Господа, желаете бросить жребий, кто первым будет выбирать пистолет? – произнесла Ли.

– Я уступаю это право господину Кацу, ибо он вызвал меня на дуэль, – спокойно произнес я.

Кац нервно схватил правый пистолет и, скинув плащ на поваленное дерево, быстро поклонившись Яну и секундантам, торопливо прихрамывая, проследовал на свою позицию. Я взял второй пистолет, поклонился в сторону открытой двери кареты и секундантам, которые уже стояли у барьера. Внутри кареты загорелась спичка, на секунду осветившая бледное лицо Яна, он закурил сигару, и опять стало темно.

Суть дуэли на пистолетах сводится к простой вещи: более или менее прицельно стрелять из такого оружия можно с 50 шагов, причем выстрел у каждого единственный. Оба соперника предварительно разведены на 50 шагов от барьера каждый, и дальше барьера приближаться друг к другу не могут. По команде оба начинают приближаться к барьеру, если они двигаются с одной скоростью, то на полпути возникает точка, когда можно прицельно стрелять, однако промахнувшись или слегка ранив противника, остается лишь ждать, что он подойдет к барьеру вплотную и выстрелит, хорошо прицелившись, с 25 метров. Шанс попасть с такого расстояния очень велик, поэтому дуэль превращается в игру нервов: кто первый выстрелит, преодолев свою половину пути к барьеру, тот и победит, если смертельно ранит или убьет противника, но упаси Бог промахнуться – противник спокойно подойдет и застрелит вас практически в упор с 20 шагов, единственной защитой будет ваш пистолет, которым можно прикрыть сердце. Осечка приравнивается к промаху, поэтому выбор пистолета – весьма важный момент в этой лотерее. Бывали случаи, когда после промаха противника второй дуэлянт подходил вплотную к барьеру и благородно стрелял в воздух, но это только в случае отсутствия личной неприязни.

– Ввести курки, к барьеру, – послышался бархатный голос Анны.

С поднятым вверх стволом, небольшими шагами, передвигаясь боком, чтобы уменьшить площадь попадания, и прикрываясь пистолетами, мы начали сближаться. Уже светало. Сердце билось с барабанным ритмом: татам-татам-татам, капли пота, несмотря на холод, выступили на висках и лбу. Расстояние с каждым шагом уменьшалось, казалось, что преодолеваешь вечность. Кац направил на меня ствол, вытянув руку с пистолетом вперед, предательская капля побежала по моему лбу и повисла на ресницах, еще метр, два... Я видел его черные глаза сквозь каплю пота, вздутые вены на висках и испарину на лбу. Почему-то мой взгляд зафиксировался на свежем прыще рядом с его носом. Еще пару шагов, еще немного... Голубой дымок вырвался из ствола его пистолета, и жгучая боль, опережая звук выстрела, пронзила мою грудь слева. Кац замер в 15 шагах от барьера, прикрыв сердце бесполезным более пистолетом. Струйка пара вырвалась из отверстия в моем пробитом легком, и я, сделав еще шаг, упал на колени. Нас разделяли 35 шагов, с каждой секундой я терял кровь и драгоценную связь с миром. Медленно опустив ствол, я увидел глаза Каца и его прыщ на своей мушке, палец нащупал курок. Последнее, что смог зафиксировать мой взгляд, – прыщ, превратившийся в маленькое отверстие, из которого побежала красная струйка, и оседающее тело Каца с широко открытыми глазами. Морозное утро выдалось в день дуэли...

* * *

– Все было весьма любопытно, – Ян сидел в своем кресле и прикуривал сигару.

Я сидел напротив, скафандр, шлемофон и дохлый пудель валялись на ковре, сигара тряслась между пальцами моей руки. Я был на взводе, видимо, перегрузки были настоящими, сердце колотилось, было тяжело дышать.

– Я вижу, вы очень устали, шутка ли – работать на орбите, – Ян смотрел на меня голубыми глазами.

– Как вы добиваетесь такой достоверности? Я чувствовал себя совершенно как в космосе!

– Вы и были в космосе, на орбите, на станции. Кстати, я не услышал от вас, Рыцарь-Пилот, никакой благодарности за дополнительное образование, которое вы сравнительно легко получили. Астронавтика, китайский язык!

– Спасибо, – тихо промолвил я, – я еще не до конца пришел в себя.

Ян брезгливо махнул рукой, и скафандр сдохлым пуделем стали расплываться на ковре.

– Вам на память оставить шлемофон?

Я молча помотал головой. Ковер опустел.

– Хорошо, – Ян откинулся. – Мне понравилось, как вы себя вели на орбите, и эти нестандартные решения, выход в открытый космос – все было здорово, Каца только жалко.

Я поднял голову.

– Неужели я его действительно убил?

– Ну, я так понял, в его тушке было семь больших пулевых отверстий, обычно от этого умирают, – Ян улыбнулся. – Иногда нервы сдают, понимаю, но вам надо учиться держать себя в руках.

– Я его убил или нет? – твердым голосом спросил я.

– Его убил троллейбус задолго до вас, Рыцарь-Пилот, так что не извольте беспокоиться. Кац, мерзавец, где ты? Опять подслушиваешь?

Кац выглянул из-за портьеры:

– А вы стрелять не будете?

– Мы же не будем стрелять? – вопросительно посмотрел на меня Ян Дронович.

Я сгреб Каца в охапку и прижал к себе:

– Как я рад, что ты жив, прости меня.

– Ничего, ничего, – сдавленно ответил Кац, – работа у меня такая.

– Хорошо, теперь, когда все вроде бы счастливы, Кац, пошел вон, обсудим, что же все-таки произошло.

– Сначала я хочу разобраться, было все это на самом деле или нет, – решительно начал я.

– Вот оно как, – глаза Яна стали сине-зеленоватыми. – Ну а вы сами как думаете? Вы овладели китайским языком?

– Да, я могу читать и говорить.

– Угу, – Ян отхлебнул свой чай. – Вы умеете пилотировать шаттл, знаете устройство орбитальной станции, владеете азами астронавтики и астрономии.

Я кивнул в знак согласия.

– Ну и откуда, позвольте мне спросить вас, вы всего этого набрались? – Ян наклонился ко мне в своем кресле.

– Я не знаю, у меня было абсолютно реальное ощущение космоса, и если бы не эта ваша шутка с лифтом...

– ...Вы обязательно героически спасли бы китайского пилота, – Ян откинулся в кресле с очень довольным видом, вероятно, ему ужасно нравилась эта его собственная затея с родами на орбите. – Я прямо вижу, как вы принимаете роды в невесомости, счастливая мать, здоровый малыш... Кстати, вы теперь можете работать высококлассным гинекологом на досуге, а в свободное время, если потребуется, пристыковывать какой-нибудь летательный аппарат на орбите.

Ян явно издевался надо мной, но, почувствовав мой гнев, сменил тон:

– Ладно, не сердитесь, эти навыки вам, конечно, вряд ли пригодятся, но согласитесь, опыт был весьма впечатляющим.

– Так опыт был или нет?

– А я есть? – глаза Яна Дроновича стали пурпурными. – Может, просто вас током ударило, вот и бредите!

Я окончательно потерял способность соображать.

– Но позвольте, а как же мой китайский?

– Не знаю, не знаю, – Ян покачал головой и отложил сигару в пепельницу. – Разные мнения существуют на этот счет – вот, например, есть вполне уважаемые люди, которые считают, что мир существует только в нашем восприятии оного, ибо для нас мир есть, то есть существует, пока мы живы, его видим, чувствуем, обоняем, но стоит только нашей, прошу прощения, вашей органике немного захворать – и сразу мир из радужного превращается в мрачный, а уж со смертью и вообще исчезает куда-то. Можно ли из этого сделать вывод, что он куда-то пропадает? Я лично сомневаюсь, а как же, спросите вы, тогда душа, Бог? Конечно же, они есть, но их никто и никогда не видел. Как же быть?

– Не путайте меня, Ян Дронович. Вы же не хотите сказать, что я просто брежу, а на самом деле нахожусь в коме в какой-нибудь больнице после автокатастрофы?

– Интересная мысль, Рыцарь.

– Не пугайте меня, я в загробном мире, а вы – Ангелы?

Ян расхохотался.

– Дайте мне свою руку.

Я протянул руку и пожал протянутую мне теплую, вполне живую ладонь.

– Ну? Что скажете? Каким вы ожидали рукопожатие Демона? – и он сделал страшные глаза.

– Если следовать тому, что вы только что сказали, то вы тоже существуете только в моем восприятии, то есть до тех пор, пока я вас вижу и ощущаю! И все вокруг – тоже!

– Ну, как-то так, – Ян с интересом наблюдал за моими мыслительными потугами.

– Тогда получается, что весь мир – это моя собственная проекция, я сам его порождаю в своем сознании.

– Должен сказать, что в этом случае разнообразие мира во многом определяется богатством вашей фантазии, образованием и знаниями.

– Да, но откуда они тогда берутся, эти знания, если опыт есть продукт познания окружающего мира, а окружающий мир в свою очередь существует в моем субъективном восприятии?

– Вот оно! – Ян был в восторге. – Молодец, круг замкнулся.

– Не понимаю!

– А вы подумайте, вспомните, что я вам рассказывал про органическую память на водной основе.

– Боже мой!

– Оставьте Создателя в покое! – Ян выглядел очень серьезно. – Каждому индивидууму, будь он бабочкой, рыбой, человеком, дается периодически шанс исследовать мир и записать свои впечатления в генетической памяти своих клеток, прежде чем рыба съест бабочку, а человек поймает эту рыбу.

– Так это же то, что я делаю для вас! – я вскочил с места.

– Присядьте, – Ян скривился, – не нужно здесь этого театра, мой нетерпеливый Рыцарь.

– А что значит «периодически»? – недоверчиво спросил я.

– Хм, ну, если у кого-то хорошо получается быть бабочкой, почему бы ему не попробовать побыть рыбой, – Ян высоко поднял правую бровь.

– Реинкарнация? Буддизм?

– Оставьте старого индуса в покое, говорил ведь я ему не есть всякую гадость, да еще грибы к тому же, – мысли Яна витали где-то далеко, глаза были молочно-белыми. – Вы, людишки, очень высокого о себе мнения, – произнес задумчиво он. – Сами придумываете себе богов, религии, сами их трактуете, как вам удобно, караете себе подобных, властвуете. А что

вы на самом деле достоверно знаете? Да ничего! Более или менее достоверно стали документировать историю только 100 лет назад, и то в ужасе от своей собственной правды вы тут же все засекретили!

– Что значит придумываем?

– Ну а что, разве у вас есть фотографии, файлы или вообще хоть что-нибудь научно-материальное, подтверждающее все ваши человеческие учения? Покажите мне любое изображение Будды или кого-нибудь еще, и я вам точно скажу, это он или вам подсунули подделку.

– А как же биологическая память на водной основе?

– А там ничего нет, – разочаровано развел руками Ян.

– Так поэтому вы и ищите Истину! – воскликнул я.

– Мы, – улыбнулся Ян. – Я рад, что Кац подобрал именно вас тогда, ух, хитрый еврей!

– Он же пудель, – робко попытался вставить я.

– Неважно, пойдемте в сад, – Ян поднялся.

– В сад? Здесь?

– Вы же любите гулять в саду, Рыцарь?

Он открыл дверь кабинета, и яркий солнечный свет ослепил нас. Мы вышли в буйствующий яркими красками сад, где цвели плодовые деревья, щебетали птицы, таская всякую мелочь птенцам в гнезда, желтые одуванчики гордо стояли, подняв головы, на зеленом ковре молодой травы, кое-где зацветали яркими цветами какие-то кусты, буйствовала сирень.

– Хорошо, да?

– Красота!

– Не зря люди представляют себе Рай вот так, – он обвел рукой вокруг себя. – Забавно, но если любого из них запереть в таком саду навеки, он просто свихнулся бы от однообразия, и этот сад показался бы ему геенной огненной, – Ян от души расхохотался. – Все относительно, как говорил один мой знакомый еврей, не Кац.

– Так что там насчет замкнувшегося круга? И водной основы?

– А, вот вы о чем!

– Да, если мир существует лишь в нашем восприятии, то он и есть наша фантазия, и получается, что наша миссия – собирать свои впечатления и эмоции для некого опыта в этом мире, то есть просто пережить свои собственные фантазии! Ну, тогда со смертью и опыт должен прекращать свое существование?

– Нет, не должен, опыт передается генетически, а потом, не будьте так самодовольны, вы не один на белом свете, живых существ бесконечное количество, возможно, даже больше, – он ухмыльнулся, – и все взаимодействуют в одной системе, своего рода информационной матрице, облаке, к которому все и подсоединены. Творцу нужно бесконечное разнообразие, чтобы иметь бесконечный выбор, только наиболее оригинальные образцы остаются в матрице в доступе на виду, остальные уходят в забвение. Ну, сами подумайте, стоит ли помнить какую-то определенную лягушку в истории, хотя с точки зрения эго этой самой лягушки мир крутился вокруг нее. Справедливо? По-моему, просто шикарная идея! Каждый мнит себя венцом мироздания, это заодно и защитный механизм, и драйвер естественного отбора и размножения, конечно, но только особенные остаются в памяти, ибо только они представляют интерес с точки зрения пережитого опыта.

– И реинкарнируются!

– Ой, я так не люблю эти заумные слова! – поморщился Ян. – Да, кое-кому выпадает шанс еще раз попробовать, если предыдущий опыт был интересен. При этом Творец чрезвычайно справедлив, каждому даются шанс, время, обстоятельства, испытания...

– Но у всех все получается по-разному!

– Нет, к сожалению, у всех получается одно и то же. Не надо судить людей строго, они слабы, жадны, трусливы и ужасно невежественны. Если слабость – дело поправимое, то жад-

ность, трусость и невежество лечатся очень плохо! Удивительно, столько лет существует человечество, а проблемы все те же.

Мы сидели под огромной цветущей грушей в саду, а пудель весело гонялся за бабочками капустницами среди одуванчиков.

– Ну что, Рыцарь, вы немного отдохнули в саду от своих космических походов? – сказал Ян, вставая и отряхивая брюки. – Мне нравится, как вы в трудный момент берете инициативу в свои руки. Нестандартность в принятии решений – это большой дар.

– Вы опять будете надо мной издеваться?

– Я буду делать то, что сочту нужным, в зависимости от моего настроения, – твердо, но ласково сказал Ян. – Только, ради всего хорошего, после нашего сегодняшнего разговора не смейте даже подумать, что вы можете как-то влиять на ситуацию. Воля здесь одна, и она моя.

– Куда вы отправите меня дальше, Ян Дронович?

– Если вы достаточно отдохнули, ступайте на ресепшен, там у Анны для вас есть сверток, а я еще погуляю по саду, он, по-моему, неплохо у меня получился, приятно иногда посостязаться с Творцом, не всегда же ему побеждать. Ступайте, ступайте! Дверь между теми двумя яблонями.

Я встал и пошел к указанным яблоням, там прямо на траве между ними стояла дверь, я обошел ее вокруг, стен не было. Я обошел ее еще раз, нажал на ручку и вышел опять в сад. «Странно», – подумал я и нажал ручку с другой стороны, дверь открылась, и я ступил на ресепшен офиса Яна Дроновича. Девочки сидели на рабочем месте перед экранами и приветливо подняли на меня глаза.

– Добрый день, Рыцарь. Для вас пакет. Нам дали поручение помочь вам с облачением.

На столе был сверток, перевязанный бечевкой, я потянул за ее кончик, звук пропал, и реальность поплыла у меня перед глазами.

~

Глава восьмая

~ *Бомбардировщик US Airforce ~ Хиросима, сэр ~ ЧП в кабине ~*

~ *Перестрелка ~ Катастрофа ~ Разбор полета с Яном ~*

Шум двигателей и сильная вибрация тесной кабины заставили меня сначала вспомнить о космосе, однако это был самолет – огромный, с четырьмя турбовинтовыми моторами на крыльях и сигарообразным фюзеляжем. Остекление кабины по кругу позволяло оценить его размеры и окраску. Несомненно, самолет был военным транспортником или бомбардировщиком.

– Вы проснулись, сэр, – в шлемофоне послышался голос Анны. – Докладывает второй пилот, за время моего дежурства полет проходил без происшествий, в штатном режиме, желаете принять управление?

– Одну минуту, – мне нужно было собраться с мыслями, я оглянулся.

В кабине, помимо Анны на месте второго пилота, позади сидела Ли, видимо, выполняя функцию штурмана, рядом в наушниках сидел у аппаратуры связи Кац. Он повернулся ко мне и блеснул зубом. На мне был старомодный летный костюм с нашивкой «US Airforce» с одной стороны и именной планкой «Paul Tibbets» с другой.

– 8:00, сэр, заходим на цель, – прозвучал голос Ли в шлемофоне, – до цели 15 минут. Примите управление.

Я решил собраться.

– Доложите обстановку, – прозвучал в наушниках мой голос, почему-то по-английски.

– Докладывает второй пилот, – Анна говорила с каким-то южноамериканским акцентом. – Экипаж готов к выполнению задания, заходим на цель, местное время 8:05. Вследствие

некомплектности экипажа функции поддержания радиосвязи и бомбометания возложены на Тома.

– Йес, сэр, – огрызнулся Кац.

– Разрешите начать операцию? – продолжила Анна.

Внизу проплывала бесконечная гладь океана, но на горизонте уже виднелась кромка берега.

Я взялся за штурвал, и в этот момент в мой мозг с бешеной скоростью стали вливаться потоки информации, связанные с многолетним опытом пилотирования тяжелых военных самолетов, матчасть тяжелого стратегического бомбардировщика В-29, показания приборов сразу приобрели смысл, включился внутренний контроль. Я сжал штурвал.

– Свяжитесь с самолетами сопровождения, мне нужен доклад о средствах ПВО в этом районе.

– Доклад получен, сэр, все чисто, можем заходить на цель.

– Принимаю управление на себя, второй пилот, сдать управление.

– Есть, сэр, – голос Анны был настолько нежен, что я отвлекся от средств управления самолетом. Невольно вспомнилась пара моментов на диванчике в офисе.

«Ух, если бы не этот костюм, да обстановка другая», – подумал я.

– Мы над целью, – сказала Анна, – дайте команду для начала бомбометания, «малыш» готов.

– Разрешаю бомбометание, – безразлично произнес я.

Кац с сияющей физиономией нажал кнопку открытия бомболюков.

– Доложите название цели, – машинально произнес я.

– Хиросима, сэр, – пропела Анна.

Кац щелкнул тумблером на панели – бомба, выпущенная из лап бомбометателя, вращаясь по оси, ушла вниз.

– Как? – я потерял дар речи, во рту пересохло, тело покрылось противным липким потом.

– Хиросима или Хиросима, тут не поймешь, сэр, эти японские названия, черт их разберет.

За спиной послышался грохот, что-то вспыхнуло, самолет сильно трянуло, я потянул штурвал на себя, и огромный бомбардировщик, взыв четырьмя моторами, начал набирать высоту, дав левый крен. Нашим глазам открылся гигантский желто-серый пепельный гриб, который стремительно рос у нас за хвостом, яркое свечение обожгло незащищенные участки кожи на лице.

– Не смотреть! – взвыл я.

Боже милостивый! Что же я сделал!

– Сэр, нам надо уходить на базу, цель поражена! – послышался голос Анны.

Я не мог заставить себя ответить, язык распух, глаза высохли, по позвоночнику тонкими струйками лил пот, глаза заливало потом со лба.

– Анна, что же мы сделали? – выдавил я из себя, там же 20 килотонн в тротиловом эквиваленте, а внизу тысячи людей.

– Сэр, мы выполняем задание, это наша миссия.

– Какая, к черту, миссия? Там госпиталь, наши военнопленные, как мне с этим дальше жить? Мы только что заживо зажарили 130 тысяч человек, и еще столько же умрут в ближайшее время!

– Успокойтесь, сэр, – послышался строгий голос Анны, – возьмите себя в руки, мы на войне – здесь убивают.

– Говорит земля, – послышался голос Яна в шлемофоне, – цель поражена, возвращайтесь на базу, держите курс от взрыва, и через 500 миль сделаете петлю в сторону аэродрома. Как поняли?

– Понял, возвращаемся на базу, – прошептал я.

Зачем? Зачем он решил повесить на меня ответственность за это чудовищное преступление, за жизни ни в чем не повинных людей? Я же до последнего момента не знал. А если бы знал? Посмел бы нарушить приказ? Не смалодушничал бы? А может быть, все-таки струсил? Руки тряслись, слезы на глазах мешали отчетливо видеть картинку.

– Поздравляю, сэр, прекрасная работа, – пропищал отвратительным голосом за моей спиной Кац и взял меня за плечо.

– Мерзавец, ты знаешь, сколько там было людей?

– Население города 60 тысяч человек, – подсказала Ли со своего места.

Улыбка не сходила с физиономии Каца.

– Ты понимаешь, что мы натворили? Наши души будут вечно гореть за это в аду, – я схватил его за воротник летного костюма, – мерзавец, и после этого ты меня поздравляешь, убью гада!

Кровь прилила к моей голове, одной рукой я держал Каца за ворот, другой пытался освободиться от лямок, которыми был пристегнут к креслу пилота.

– Командир, пожалуйста, осторожно, управление на вашей консоли, – послышался встревоженный голос Анны.

Я уже не слушал, освободившись от ремней, я выхватил из кобуры пистолет и больно прижал его ствол к щеке Каца. Вот ведь подлец!

Самолет стал медленно заваливаться на левое крыло.

– Командир, штурвал! – закричала в ужасе Анна. – Срочно переключите консоль на второго пилота! Здесь горы, мы их зацепим.

Бешенство, страх, отчаяние, только не чувство собственного сохранения бушевали во мне. Я прижал Каца к стойке, у него текли слюни, он тарашил глаза.

– У нас нештатная ситуация на борту, – послышался спокойный голос Ли, – у первого пилота шок, нервный срыв.

– Принимаю командование на себя, – послышался голос Анны. – Сэр, положите пистолет на пол и переключите консоль на второго пилота, – мне в висок был нацелен пистолет второго пилота, – немедленно!

Самолет еще сильнее завалился набок, Анна в падении нажала на курок, одновременно прогремели два выстрела, пули прошли отверстия в кабине, разбили остекление, труп Каца покатылся по железному полу в угол, падая, я схватился за кресло пилота бомбометания и спрятался за его спинку.

– Сэр, бросьте пистолет и выходите с поднятыми руками, – железным голосом проговорила Анна. – Ли, переключите консоль на второго пилота.

Самолет терял высоту с чудовищным жужжанием гигантского шмеля.

Ли, освободившись от ремней, стала пробираться к левому креслу.

«Нам не смыть этот грех ничем! – колотилась в моей голове красной строкой только одна мысль. – Нам всем гореть в аду». Невольно рука сжала пистолет и палец начал отсчитывать нажатия курка. Первая пуля пробила плечо второго пилота насквозь и со звоном разбила лобовое остекление за ее спиной, рука Анны опустилась и разрядила пол-обоймы в бедро и кресло Ли, которая уже заняла мое место слева, вторая пуля пробила ей шею – фонтан крови сделал реальность красно-белой, здоровой рукой закрывая рану на шее, она пыталась еще что-то предпринять, хватаясь за штурвал, еще две пули прошли ее щеку и лоб справа над глазом. Самолет потерял герметичность и управление. Ли, обливаясь кровью из пробитой артерии в бедре, вцепилась в штурвал, пытаясь не дать огромной машине завалиться в пике. Я стоял на двух ногах, держась за кресло и перехватив дыхание на три секунды и два патрона в обойме.

«Нам всем гореть в аду», – затвор четко отработал два выстрела, Ли дернулась и завалилась всем телом на штурвал. С диким гулом В-29 сорвался в пике. Теряя высоту, он задел

крылом за макушку холма и, подняв гигантский фонтан, упал на мелководье, где, ударившись о дно, взорвался, уходя в небо черным столбом огня и дыма.

«Нам всем гореть за этот грех», – пульсировала мысль в пространстве.

* * *

– Ну, и что вы опять натворили? – спокойным голосом спросил Ян.

Он сидел в стеганом шелковом халате с хрустальным бокалом коньяка у камина. Поленья уютно потрескивали, он нежился от тепла.

– Зачем вы это сделали? Вы испытываете меня? Хотите погубить мою и без того несчастную грешную душу? Если бы я знал, я никогда не согласился бы.

– А вы и так не согласились, – спокойно ответил он. – Что же касается вашего «если бы я знал», – он довольно улыбнулся, – никто ничего не знает наперед, и никто не может повернуть ход событий. Вы что думаете, если вы угробили самолет, перестреляли экипаж, этим вы сняли грех с души? Мертвые восстали из радиоактивного пепла? Вы лишь взяли на свою совесть грех за убийство экипажа, вот и все. Обманули себя, «я вот какой честный, я не хотел, я всех наказал, искупил»! Вздор! Ничего вы не искупили, вы лишь дали волю своим эмоциям, проявили слабость. Эго победило, страх вас обуял, а знаете, почему? Потому что на самом деле вы не тот пилот, Paul Tibbets вернул бомбардировщик на базу, прожил долгую жизнь после Хиросимы, дослужился до звания бригадного генерала ВВС США и ни капли не раскаивался в том, что он сделал, вплоть до самой смерти 1 ноября 2007 года. Все дело в вашем эго и в том, что вы, конечно же, как современный человек, естественно, знаете, чем закончилась бомбардировка Хиросимы, сколько людей погибло сразу и потом. Страшно стало за свою душонку?

– Очень!

– А скажите мне, дорогой пилот, а если бы это была простая бомба? Вы же легко дали команду о бомбометании, не задумываясь, и только когда девочки вам сказали, что объект – Хиросима, вас накрыло. Что, если бы это была маленькая деревня, а не большой город с 70-тысячным населением, от этого вам было бы легче?

– Я не знаю, Шеф, не мучайте меня.

Ян изобразил гул бомбардировщика и звук падающей бомбы, совсем как у Pink Floyd в альбоме The Wall.

– Сидит вечером мирная семья, ужинает, а тут – бух! – Ян сделал большие глаза. – Что, меньший грех? Просто потому что меньше людей погибло?

– Шеф, я сойду с ума,

– А когда голову топором рубили? Легче было? Кстати, вы опять пристрелили моего пуделя, хотя давеча его обнимали и просили прощения.

– Не знаю, почему меня срывает на него, – честно признался я.

– Он провокатор, это его роль, вы отвлекаетесь на мелочь, срываетесь на эмоции, вам от этого легче, но ничего это не меняет! Пепел и прах позади самолета.

– Замолчите! – я вскочил. – Я не вынесу всего этого.

Ян с интересом смотрел на мои эмоции, в его правой руке был бокал, а левой он теребил за ухо своего пуделя.

– Все относительно, как говорил один мой знакомый еврей, не Кац.

– Но как же быть? Таких вещей нельзя допускать! Это чудовищно!

– Видите ли, Рыцарь, человечки – социальные животные, с одной стороны, а с другой – дико эгоистичные. Когда им удобно, они обычно говорят «мы». Ненавижу это слово, в нем всегда есть какой-то подвох, когда человек говорит «мы», уже понятно, что он не готов нести ответственность за то, что говорит, а пытается «размазать» ее, поделить с кем-то, тем самым выгораживая себя. А хуже всего, когда вместо «мы» говорят «народ», – Ян поморщился, –

вот тут уже начинается преступление! Народ! Кто это такие? И почему этот народ должен нести персональную ответственность за чью-то личную глупость и амбиции, страдать за чью-то жадность, умирать? Мне это непонятно, может, у меня природа другая – неорганическая.

– Но мы же должны как-то себя защищать!

– Какая прелесть! «Мы»! И от кого же вы собираетесь защищаться, уничтожая бомбами семьи за ужином? Целые города превращая в радиоактивный пепел?

– Я не знаю, я совсем запутался.

– А что здесь не знать? Вот, например, сидите вы в окопе и смотрите через прицел вашего пулемета на окоп «врага». Хотите в окоп, попробовать, потом обсудим?

– Нет, не хочу.

– Ну так вот, сидите вы в окопе и смотрите на «врага». Очень интересное слово, кстати, «враг»! В 100 случаях из 100 вы врага видите впервые, и он вас тоже. Но вы оба готовы ненавидеть друг друга, убить, искалечить, может, даже пытаться унижать всячески. Почему? На это всегда найдется простой для понимания органической биомассы ответ: потому что он враг.

– Не так все просто, Ян.

– Гораздо проще, чем вы думаете. Вам сказали, что там враг и его надо уничтожить, с вас как бы сняли ответственность этим – стреляйте, смотрите, как куски его тела летят в разные стороны, не думайте о том, что у него есть интеллект, прошлое, семья, дети, любимые, амбиции, личность, впрочем, может быть она и ничтожная, но это не так важно сейчас, стреляйте, убейте его – он враг. А чтобы не сомневались, вам скажут: если вы его не убьете – он вас убьет, и ему скажут то же самое.

– Кто скажет?

– Ну кто у вас, людишек, назначает врагов, – Ян отпил глоток. – Могу ошибаться, у меня всегда с историческими цитатами проблемы, Бонапарт, по-моему, сказал, что главное на войне – это враг, нет врага – нет войны.

– Да, но обстоятельства...

– Нет никаких обстоятельств – есть амбиции альфа-самцов, которые назначают врагов. Опять же, жадность, страх – очень часто за свою шкуру – и власть.

– Но войны были всегда.

– Согласен, но давайте разберемся. В давние времена у войн были две основные функции. Прежде всего – пополнение материальных благ, их было в допромышленный век крайне мало, и взять их было неоткуда, ибо экономик просто не было. Хочешь больше, чем у тебя есть, – походи отними то, что есть у твоего соседа, так?

– Похоже на то.

– А самое главное – овладение чужими женами! Если бы не было захватнических набегов, люди просто вымерли бы из-за генетических проблем, скрещиваясь в ограниченном сообществе. Проблема королевских династий – дети все нездоровы, сами знаете. Нет свежей крови и так далее. В первобытном обществе юноша мог, конечно, сбегать в соседнее племя и украсть себе жену. Но тут опять появляется проблема! Могут поймать «враги», побить, а то и вообще убить! Поэтому на такое мероприятие лучше взять с собой друга в помощь, а лучше друзей побольше. Так ведь? Не дожидаясь, пока тебе поломают ребра, перебить мужчин, увести женщин и заодно прихватить их ценности, еду, скраб – неважно что.

– Так и есть, но сейчас же все по-другому.

– Это вам так кажется, дорогой Рыцарь! Человек за последние 15–20 тысяч лет практически не изменился, что изменилось, так это шелуха. Вы, наверное, думаете: технологии, электроника, наука, Интернет, – Ян мило улыбнулся одними желтыми глазами. – Человек просто научился эксплуатировать социальность человеческого стада. Все тот же естественный отбор, только раньше более сильный самец первый съедал самый лакомый кусок и забирал себе самую молодую и здоровую самку, а остальные подьедали по мере очередности, а теперь

появились разнообразные методы социального манипулирования – средства массовой информации, в особенности телевидение, как самое примитивное и затягивающее. И вот не надо биться, драться, убивать поработать соплеменников – просто надо найти «врага» и направить их на него, «возглавив» их праведную ненависть. Понятно, что уже давно никто лично никого не возглавляет с мечом в руках. Все отработано до автоматизма, самое главное – все в это верят и готовы совершать самые ужасные вещи с совершенно незнакомыми людьми, и зачастую вообще ни за что. Раньше хоть грабили соседнее племя вместе и вместе насиловали чужих жен – весело было.

– Ну, Ян!

– А что? Вернемся в окоп. Допустим, перестреляли вы друг друга, а потом вам сказали: все, конфликт исчерпан, геополитические цели достигнуты, спасибо за внимание, расползайтесь на костылях по домам помирать, мы сами решим, как тут все поделить, а вы – герои! Что вам еще? Хотите, мы в вашу честь песню сочиним? Будете встречаться с боевыми товарищами, вспоминать, как вы врага били, нас всех защищали. Извините, материальных благ вам не полагается, война, сами понимаете, все побили-поломали.

– Сложно с вами спорить, Ян.

– А вы и не спорьте, мне со стороны виднее. Кстати, я обожаю эту вашу, как ее, «демократию».

– Демократию?

– Ну да! Какие головы придумали! Высший пилотаж манипулирования.

– Что вы хотите сказать?

– Стадом же надо управлять, не так ли?

– Надо.

– Что может быть проще и, казалось бы, справедливее: большинство управляет волей меньшинства, а меньшинство подчиняется. Все вроде бы честно, так?

– Честно.

Ян плотоядно улыбнулся.

– Замечательно! А вам не кажется, что это противоречит простым математическим законам и, самое главное, противоречит замыслу Творца, который благодаря бесконечному отсеку посредственностей извлекает золото самородности и необычности?..

– Это как?

– Ну смотрите, из 100 рожденных на планете только один или два могут представлять какой-то интерес для Творца, а при нынешнем населении, сколько там вас, 6–7 миллиардов – и того меньше.

– Да, людей сейчас много.

– Будет еще больше! Так вот 99 посредственностей навязывают свою далеко не самую просветленную волю меньшинству, у которого мог быть шанс при других обстоятельствах.

– Кто-то сказал, что демократия.

– Знаю, знаю, плоха, но пока ничего лучше не придумали – очередное замыливание мозгов людям теми, кто ими руководит.

– Кто это сказал?

– Не помню, да это и не важно.

– Вот вы, Рыцарь, ходите на выборы?

– Когда-то в молодости ходил, потом бросил, много лет уже не хожу.

– Почему?

– Я всегда проигрываю.

– Как в казино? – глаза Яна сверкали.

– Хорошая аналогия.

– И вам противно и неинтересно, да?

- Отвратительно. Больше не хожу.
- А почему бы вам не проголосовать, как все, вас же к этому подталкивают?
- Это против моих принципов, какой смысл врать, лучше промолчать.
- Угу, хорошо. А теперь вернемся в наш окоп. Вот вы, человек, который никогда не поддерживал и, более того, не участвовал, не выбирал, не голосовал, не согласен со всем этим, вы как член социума по правилам этого социума должны подчиниться демократическому «большинству» и погубить свою душу и множество других, кстати, в большинстве своем таких же, как вы. Что мы имеем в результате?
- Негативный естественный отбор, со знаком минус, наоборот.
- Вы, я вижу, начинаете что-то соображать, Рыцарь. Не нужно быть очень умным, чтобы понять, что именно те, кто будет задаваться моральными вопросами, думать о душе, вообще думать, первыми падут в бою. Совесть, нервы никогда не приводят ни к чему хорошему. Не чужие, так свои прикончат. Жаль столько упущенных моментов, столько погубленных душ, ведь среди них могли быть интересные варианты, – он задумчиво смотрел в огонь черными глазами.
- Какая, впрочем, разница, все одно – бесконечность.
- Так просто? – усомнился я.
- Проще не бывает, проверьте сами.
- Реальность поплыла, звук пропал.

~

Глава девятая

~ *Пулеметное гнездо* ~

~ *Штурм, боеприпасы, смерть снайперов, пулемет захлебнулся* ~

~ *Смерть* ~

Холодное синее небо в бетонном окошке пулеметного гнезда, амбразура обложена мешками с песком, полная луна освещает сектор обстрела, весь заваленный еще теплыми телами. Звезды – их миллионы на небе, гильзы – их десятки тысяч под ногами. Кац в полевой форме, кряхтя, лопатой для уборки снега выгребает из бетонного блиндажа тысячи стреляных гильз и выбрасывает их за железную дверь на морозный воздух, словно снег. Они звенят и катятся с пригорка. За дверью высятся пустые ящики от боеприпасов. Полные, уже вскрытые и готовые к использованию, стоят в блиндаже. В умелых руках Ли перезарядка пулемета занимает несколько секунд. Гильзы, гильзы, гильзы везде. Каждая из них рассталась со своей пулей, многие благодаря им расстались с жизнью.

Пулемет был установлен на трипode и пристрелян по вершине холма, снайперы справа и слева отстреливали тех, кто смог пробиться сквозь свинцовый дождь из пуль, – за сегодня ни один не смог приблизиться и на 100 метров к блиндажу. Днем стволы пулемета раскалялись и их клинило, поменяли уже четыре. Анна в полевой форме поливала раскаленный металл водой из фляги целый день, вода кипела, пузырилась и, подхватывая частички масла, стекала под ноги, орошая зыбкую, звенящую почву из стреляных гильз. Тишина, как в космосе, слышен был только шелест лопаты и звон катящихся гильз. Девушки сидели на бетонном полу, облокотившись на стопку цинковых ящиков с пулеметными лентами, и, уставившись в черное небо, жевали свой сухпак. Все молчали, казалось, Ангел смерти накрыл своими крыльями этот холм.

Вспышка зеленой ракеты в небе ознаменовала новую волну наступления. Сколько же их? Зачем бесконечно штурмовать заведомо неприступную высоту? Неужели их командирам так безразлична судьба своих солдат? Атаки шли волнами по шесть, семь за раз, откатываясь назад каждый раз, когда две трети личного состава оставалось лежать на склоне высоты. Шел тре-

тий месяц осады. С каждым штурмом холм становился более пологим, и штурмующим было проще приблизиться к блиндажу. Неужели они просто хотят завалить нас телами и тем самым задушить пулеметные расчеты? Другую стратегию в этих бесконечных штурмах предположить было невозможно. Снайпер, аккуратно поставив обмотанную ветошью винтовку к стене, тихо молился на коленях у пустых ящиков. Его глаза были красными от напряжения и слез. Он давно перестал делать насечки на прикладе винтовки, а лишь нервно втыкал свой штык-нож в мешок с песком после каждого выстрела – все были на пределе. К счастью для оборонявшихся, поставка боеприпасов и провианта была отлажена идеально, единственной проблемой было найти момент, чтобы оправиться, впрочем, на это не было времени, выходить из бетонного мешка никто не решался, и внутри стоял едкий человеческий запах. Ракета осветила холм, это означало новую волну наступления.

– Ефрейтор, – обратился я к Анне, – доложите о состоянии боеприпасов.

– 16 коробок с лентами по 250 и 10 коротких по 50 в бункере, на ближнем складе более 100 ящиков с длинными лентами, запасных стволов шесть, воды почти не осталось, две фляги.

– При интенсивности стрельбы в 1200 выстрелов в минуту без воды мы долго не протянем, добудьте воды, ефрейтор, пополните фляги.

– В луже, из которой мы набирали воду, ее больше нет, личные запасы тоже закончились. В темноте уже виднелись силуэты наступающих.

– Всему личному составу немедленно оправиться во фляги! – скомандовал я. – Выполняйте. Анна, соберите фляги у всех.

Неловкая пауза длилась ровно до момента, когда пулемет изверг первую очередь, вниз по склону посыпались первые тела.

– Выполняйте! – заорал я в паузе между очередями. – Дома будете стесняться!

С каждой очередью гора росла, и наступающим требовалось все меньше времени, чтобы приблизиться к блиндажу. Взрывы от ручных гранат противника стали более частыми, и они стали падать значительно ближе к бойницам блиндажа. Один из снайперов вскрикнул и с проклятиями бросил винтовку – осколком снесло оптику и поранило ему глаз, кровь текла из глазницы между пальцев, он стонал и выл, стоя у бетонной стены на коленях. Краем глаза я увидел, что его правая рука расстегивает кобуру.

– Ефрейтор! – закричал я

Анна поймала мой взгляд и уверенным ударом сапога выбила из рук раненого парабеллум, который тот поднес к виску. Она обняла его и, быстро выпотрошив сумку с красным крестом, приложила к раненому глазу мокрую повязку и сделала укол морфия. Через несколько мгновений он перестал стонать и, привалившись к стене, отключился.

Люди были на пределе, без второго снайпера будет очень тяжело и подменить нечем, его винтовка была более непригодна. Пулеметный ствол тоже был на пределе, но останавливаться было нельзя. Ли тонкой струйкой лила мочу на раскаленный ствол МГ, отчего весь блиндаж наполнил нестерпимый смрад. Первая волна была отбита, но ситуация была угрожающей – с одним снайпером и без охлаждения стволов. К тому же блиндаж справа от нас почему-то молчал, либо заклинило пулемет, либо атакующие попали гранатой в амбразуру. Тишина, холодный октябрьский вечер. Я оглянулся на личный состав, нас осталось четверо. Видимо, следующая волна нас накроет, я невольно поежился от мысли о неминуемой гибели.

– Анна, все боеприпасы внутрь, Кац, задрать двери блиндажа.

Новая ракета осветила склон, усеянный погибшими и ранеными. Какое же безумие эта война, у каждого из них была мать, которая кормила их грудью, у всех была личная жизнь, планы, мечты. Ракета упала в лес, наступление началось. Смерть висела липким холодным туманом над склонами высоты.

Пулемет отработал очередную ленту, ствол был на пределе.

– Ефрейтор, замена ствола и ленты, быстро!

Ли бросилась к ящикам, Анна схватила прислоненный к бетону резервный ствол. Обжигая руки, девушки окружили трипод пулемета. Две минуты на ствол, полторы на ленту – почти пять минут тишины, сейчас нас накроет! Я выхватил из кобуры пистолет и выпустил всю обойму в темноту. Но разве это могло остановить лавину! С глубоким горловым криком наступление надвигалось. Кац не успевал менять магазины в винтовке, и его запасы тоже подходили к концу. Несколько гранат взорвались в непосредственной близости от бойницы. Гул надвигался, Анна последним щелчком установила ствол, теперь лента. Раскаленный ствол с металлическим звоном упал на бетонный пол в гильзы и зашипел. Наступающие были уже в 50 метрах, пули стали залетать в амбразуру, щелчок затвора, лента на месте, я бросился к станку. Кац вскрикнул и упал на спину, глаза были широко открыты, пуля попала в рот, раздробив зубы, вышла через затылок. Снайпера у нас больше не было.

Я нажал на спусковой крючок, и свежий холодный ствол разом выпустил 30 пуль в темноту. Совсем близко раздались крики и предсмертные стоны, разом в сторону амбразур полетело несколько гранат, которые ударились о бетон, покатались назад к наступавшим и взорвались, осветив склон. Лавина людей была перед нами. Господи милосердный, зачем же это все происходит! Палец закован на спусковом крючке, и пулемет без остановки отработал всю ленту.

– Ли, патроны, ленту!

Поздно, в правую амбразуру просунулся ствол и длинной очередью свалил Ли с ног. Анна выхватила из кобуры пистолет и выстрелила три раза в проем – тело со стоном упало и закрыло амбразуру с противоположной стороны.

Ли лежала, опершись на тело Каца, одна пуля пробила ей колено, вторая попала в живот, лужа крови вокруг нее росла на глазах.

Анна уже тянула новую ленту, я быстро открыл патроноприемник. Пули, ударяясь об откос амбразур, залетали внутрь, одна зацепила мне щеку, кровь стала заливать шею и грудь, еще немного, Анна охнула и упала на колени, щелчок затвором – и пулемет выплюнул в амбразуру стаю пуль. Свет выстрелов на конце ствола озарил толпу в двух метрах от амбразур, мне показалось, что я даже видел их лица.

– А-а-а!!! А-аа-а-а...

Пулемет не отработал ленту до конца, тела падали сверху, перекрывая друг друга, и окончательно закрыли собой бетонное окошко, пулемет захлебнулся, патрон перекосило и затвор заклинило.

Все! Стало тихо. За железной дверью слышались шаги и тяжелые удары. Сколько выдержит дверь? Гранату? Две?

Я щелкнул зажигалкой: мертвые Кац и Ли, Анна, лежа на боку, пристально смотрела своими зелеными глазами мне прямо в глаза, одной рукой она зажимала рану в груди, в другой была большая осколочная граната на длинной ручке.

Я кивнул головой и потушил зажигалку.

~

Глава десятая

~ Утро дома, телефон ~

~ Срочный вызов ~ Дом на Лубянке ~

~ Неожиданное задание ~ Кац в помощь ~ Ночной рейд ~ Арест ~

~ Кровавая развязка ~

Я проснулся дома в своей постели. Ощущение дурного сна не покидало меня. Без интереса взглянув в зеркало, я пошел принять душ. В глазах стояли последние сцены из моего «сна», лица, крики... Какой же ужас!

Зазвонил телефон, я поднял трубку и услышал бодрый голос Анны:

– Шеф просил передать, чтобы вы, Рыцарь, отдохнули сегодня после тяжелого дня, можете приехать попозже.

– Ань, ты как?

Полуминутная пауза.

– Все нормально, до встречи, Рыцарь.

– Хорошо, спасибо, – я повесил трубку.

После вчерашнего количества крови мысль о завтраке вызвала отвращение, я завернулся в одеяло и упал лицом вниз на кровать. Сон получился какой-то рваный: Ли с Анной голые танцевали вокруг пулемета. Проснулся я от того, что мамин бассет, которого она мне оставила на время своей поездки за границу, начал проситься на улицу, скулить и тыкаться в меня холодным носом.

– Сейчас, сейчас, подожди, – я перевернулся на другой бок, но сон уже ушел.

Я сел на кровати и начал одеваться на прогулку. На улице было еще темно и холодно. Собака радостно выскочила из подъезда и присела на газоне. Я стоял в дверях подъезда, подпирая дверь.

– Пойдем домой, холодно!

Гулять не было ни малейшего желания, духовная опустошенность и слабость валили с ног.

– Пойдем, пойдем домой.

Бассет покорно засеменил в подъезд.

Дома надрывался телефон.

– Да!

– Ян Дронович просил передать, что изменились планы. Вам, Рыцарь, следует немедленно прибыть, машину за вами выслали, будет у вас с минуты на минуту.

Я повесил трубку, во дворе послышался какой-то нехарактерный для современного транспорта автомобильный звук, и в дверь позвонили. В дверях стоял Кац в зеленой старомодной гимнастерке и кожаной куртке поверх, пенсне сверху прижимала кожаная фуражка со звездой, в руках он держал сверток.

– Переодевайтесь, – сухо сказал он, – Шеф ждет, я буду в машине, – и вышел.

Я развернул сверток. Там были форма довоенного образца и фуражка с синим околышем. Погоны, насколько я понял, были капитанские. Я переоделся, закрыл квартиру и вышел во двор. У подъезда среди современных дорогих автомобилей стоял черный воронок, двигатель громко работал, выбрасывая на улицу сизые клубы вонючего дыма. Кац вышел из машины и открыл мне дверь. Я сел рядом с водителем. Автомобиль издал нехарактерные для XXI века звуки и на удивление быстро тронулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.